Воскресенье
№ 206

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

19-го Сентября
1876

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе **ВОЕННАГО СБОРНИКА**, вмѣстѣ съ **РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ**, съ доставкою или пересылкою **10 рублей.**

На одинъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ**, съ доставкою или пересылкою:

Въ Россіи . . . . . **7 р. 50 к.**

За границу . . . . . **10 » — »**

На мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ПОДПИСКА на газету **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ** и журналъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ** принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, на Надеждинской ул., въ д. № 42; тутъ же принимаются и ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На одинъ **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ**, съ дост. или перес. въ **Россіи:**

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	7 50	на 9 м.	6 —	на 6 м.	4 20	на 3 м.	3 —
» 11 м.	7 —	» 8 »	5 50	» 5 »	4 —	» 2 »	2 40
» 10 »	6 50	» 7 »	5 —	» 4 »	3 50	» 1 »	1 20

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	13 50	на 9 м.	11 —	на 6 м.	8 —	на 3 м.	5 —
» 11 м.	13 —	« 8 »	10 —	» 5 »	7 —	» 2 »	3 40
» 10 »	12 —	» 7 »	9 —	» 4 »	6 —	» 1 »	1 70

ЦѢНЫ ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, для напечатанія въ **РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ**, опредѣлены прейсъ-курантомъ. За разсылку объявленій при газетѣ взимается по **4** руб. съ тысячи экземпляровъ.

Подписка на изданія безъ доставки не принимается.

На основаніи циркуляровъ Главнаго Штаба, отъ 8-го февраля 1867 года, за № 40 и отъ 31-го іюля 1869 года, за № 194, казенныя объявленія, доставляемыя отъ войскъ, для напечатанія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», должны быть присылаемы не въ редакцію, а въ Главный Штабъ, съ приложеніемъ причитающихся за напечатаніе денегъ.

ГОДЪ 63-й.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АЛАЙСКІЯ ГОРЫ.

(Кореспонденція «Русскаго Инвалида»).

I.

Среди разноплеменнаго состава населенія бывшаго Коканскаго ханства, значительная часть, обитавшая въ южно-коканскихъ горахъ (кара-киргизы), считалась подданными хана лишь номинально. Живя въ труднодоступныхъ горахъ, это кочевое населеніе только на зиму выходило на равнину, либо располагалось въ предгорьяхъ; на лѣто же оно удалялось на Алай — высокую равнину или, правильнѣе, плато, вдоль по теченію рѣки Кизылъ-су (иначе Сурхъ абъ) (*), одного изъ главнѣйшихъ истоковъ Амударьи, — гдѣ оно уже находилось внѣ всякаго вліянія коканскихъ властей. Коканскому правительству трудно было справиться съ этимъ населеніемъ даже тогда, когда часть его выходила на зимовки къ подошвѣ горъ или въ предгорья, такъ какъ каракиргизы весьма легко могли уйти отъ ханскихъ сборщиковъ податей и правительственныхъ войскъ въ недоступныя для коканцевъ ущелья. Караванные пути въ земляхъ кара-киргизовъ были совершенно необезпечены и коканское правительство для движенія каравановъ въ сосѣднія страны (Кашгарію, Каратегинъ) придавало имъ вооруженный конвой.

Съ присоединеніемъ Коканскаго ханства къ Россіи, вопросъ относительно подчиненности кара-киргизское населеніе продолжало считать въ такомъ же видѣ, какъ онъ находился при прежнемъ владычествѣ. Но само собою разумѣется, что русскія власти должны были смотрѣть на дѣло совершенно иначе. Для подчиненія кара-киргизовъ и для водворенія полнаго порядка между ними, начальникъ Ферганской области, свиты Его Величества ген.-м. Скобелевъ, рѣшился доказать каракиргизамъ, что горы ихъ не составляютъ для русскихъ неприступной твердыни и что они вовсе не укрыты, находясь на Алаѣ. Съ этою цѣлью, по приказанію командующаго войсками Туркестанскаго округа, ген.-ад. фонъ-Кауфмана, генералъ Скобелевъ снарядилъ отрядъ, который, подъ личнымъ его начальствомъ, долженъ былъ двинуться на Алай, въ самый центръ кара киргизскихъ лѣтовокъ и, такимъ образомъ, разубѣдить кочевниковъ въ ихъ недосягаемости для русскаго

(*) И то, и другое названіе значитъ красная рѣка; первое названіе тюркское, второе—таджикское.

вліянія. Отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны: учь-курганская, ошская и гульчинская, которыя должны двигаться на Алай различными путями и тамъ соединиться вмѣстѣ.

Не стану описывать здѣсь приготовленій къ экспедиціи, стратегическихъ и административныхъ плановъ начальника отряда для обезпеченія тыла и быстраго движенія къ уроч. Шоту, для поимки шайки каракиргизовъ подъ предводительствомъ Абдулъ-бека, оставляя все это для спеціальнаго описанія алайскаго похода. Нынѣ скажу только, что, преслѣдуя военно-административныя цѣли, алайскій экспедиціонный отрядъ будетъ преслѣдовать и цѣли научныя, такъ какъ этому отряду придется посѣтить страны, въ которыя и до сихъ поръ еще не проникала нога образованнаго европейца. Извѣстно, что Алай непосредственно примыкаетъ къ Памиру, одной изъ наименѣе извѣстнѣйшихъ странъ на всемъ земномъ шарѣ и представляющей для всякаго образованнаго человѣка вообще и для географовъ въ особенности наиглубочайшій интересъ. Для изслѣдованія Алая и странъ къ нему прилегающихъ, при алайскомъ экспедиціонномъ отрядѣ составленъ походный военно-топографическій отдѣлъ изъ восьми человѣкъ, съ цѣлью производства топографическихъ съемокъ пройденныхъ пространствъ. Для производства астрономическихъ работъ и барометрической нивелировки назначенъ геодезистъ А. Р. Бонсдорфъ; естественно историческія изслѣдованія и сборъ колекцій, относительно фауны и флоры, поручено производить В. Ѳ. Ошанину; географическія и статистическія работы поручены мнѣ (*).

Гг. Ошанинъ, Бонсдорфъ и я, по пріѣздѣ въ Ферганскую область, были направлены въ Гульчу для слѣдованія съ колонною, съ которою предполагалъ двигаться и начальникъ отряда; эта колонна должна была направиться по главному караванному пути, пролегающему изъ Ферганской области, черезъ перевалъ Терекъ-даванъ, въ Кашгаръ.

18-го іюля мы прибыли въ Гульчу, не заставъ уже колонны, которая выступила на урочище Кизылъ-курганъ.

Урочище Гульча есть самый крайній и отдаленнѣйшій пунктъ, гдѣ расположены наши войска въ Средней Азіи. Здѣсь сооружается укрѣпленіе въ формѣ четыреугольника обыкновенной полевой профили съ двумя туръ-бастіонами на противоположныхъ углахъ. Вмѣстимость укрѣпленія разсчитана на двѣ роты, сотню казаковъ и четыре орудія. Укрѣпленіе располагается на р. Гульчѣ—одномъ изъ главнѣйшихъ притоковъ верхняго Сыра,—на совершенно плоской долинѣ, около трехъ верстъ шириною, и очерченной справа и слѣва хотя не высокими, но крутыми, скалистыми горами. Рѣка течетъ, придерживаясь больше къ южному хребту. Укрѣпленіе разбито при сліяніи съ Гульчею притока Чигирчикъ и расположено такимъ образомъ, чтобы изъ туръ-бастіоновъ можно было обстрѣливать какъ долину Гульчи, такъ и ущелье Чигирчикъ. До окончанія укрѣпленія войска располагаются въ тѣни вѣковыхъ тополей, замѣчательныхъ своею толщиною; верхушки этихъ тополей отломаны, вѣроятно, жестокими вѣтрами, весьма частыми въ этой долинѣ. Вѣтры дуютъ съ запада на востокъ, по направленію долины; кромѣ того, они дуютъ еще и изъ щели Чигирчикъ. Дожди въ гульчинской долинѣ, какъ и вообще во всей гористой полосѣ Ферганской области, такъ же часты, какъ и вѣтры. Зимою здѣсь выпадаетъ глубокій снѣгъ и бываютъ сильные морозы. Время наибольшаго разлитія рѣки Гульчи въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда она разливается на значительное протяженіе; въ разливъ переправа черезъ рѣку невозможна. Въ обыкновенное время главный рукавъ Гульчи имѣетъ около 10 саженъ ширины и переправа хотя, съ затрудненіемъ, но возможна. Для облегченія переправы черезъ рѣчку устроенъ деревянный мостъ. Не смотря на дикость окружающей природы и на отдаленность отъ осѣдлыхъ центровъ, пунктъ этотъ имѣетъ весьма важное политическое и административное значеніе. Здѣсь лѣтомъ, во всѣхъ окрестныхъ ущельяхъ, каракиргизы засѣваютъ пашни (пшеницу и ячмень) и здѣсь же располагаются своими зимовками. Слѣдовательно, владѣя этимъ пунктомъ, мы, хотя отчасти, можемъ вліять на нѣкоторые роды кочевниковъ и держать ихъ въ повиновеніи. Войска (пѣхота и казаки) расположены пока въ юртахъ; въ юртахъ же помѣщается и нѣсколько человѣкъ купцовъ (сартовъ), продающихъ гарнизону различные необходимые предметы. Нечего и говорить, что цѣны на нихъ очень высоки; такъ, напримѣръ, сахаръ стоитъ 50 коп. фунтъ, ячмень—1 рубль пудъ и проч. Мясо для гарнизона поставляется подрядчикомъ изъ Ошъ, по 1 р. 30 коп. пудъ. Провіантъ также доставляется изъ Ошъ. Гульча соединяется съ Ошемъ колесною дорогою, прекрасно разработанною въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ нынѣшняго года нашими войсками. Дорога почти на три четверти своего протяженія проложена въ сильно гористой мѣстности; все же разстояніе отъ Ошъ до Гульчи равняется 75 верстамъ (**).

Въ четырехъ съ половиною верстахъ отъ Гульчи, вверхъ по ущелью Чигирчикъ, у самой ошско-гульчинской дороги, на крутомъ откосѣ горы, находится живописная рощица, гдѣ бьетъ минеральный родникъ. Здѣсь еще киргизами былъ

(*) Генеральнаго штаба подполковникъ Костенко.

(**) Генералъ-маіоръ Скобелевъ, съ разрѣшенія Туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, въ нынѣшнемъ году предполагаетъ разработать дорогу еще верстъ на 40 до Суфи-кургана, а затѣмъ и до самаго Алая, и до Кашгарской границы.

устроенъ басейнъ, въ которомъ находили исцѣленіе страждующіе накожными болѣзнями. Окружающія родникъ деревья покрыты лоскутьями, отрываемыми отъ рубахъ, халатовъ и и вообще отъ одеждъ, а также волосами: это приношеніе дѣтей природы божеству, доставляющему имъ исцѣленіе. Температура родника 30° R., вода безъ вкуса и запаха. Рощица состоитъ изъ тополей, таловъ, горнаго барбариса, боярышника, яблонь, арчи (древовиднаго можевельника) и друг. Изъ кустарниковъ здѣсь растетъ въ изобиліи ежевика. Кустарникомъ же покрыто также и все почти теченіе рѣчки Чигирчикъ. Въ этихъ кустарникахъ водятся маріады соловьевъ, которые распространены далеко не повсемѣстно въ Средней Азіи (*).

Верстахъ въ семи отъ Гульчи, вверхъ по тому же ущелью Чигирчика, обнаружены залежи каменнаго угля, а верстахъ въ девяти залежи гипса и мрамора. Въ окрестностяхъ Гульчи водятся медвѣди, волки, кабаны и дикія козы; изъ птицъ—куропатки и множество хищныхъ породъ: ястребы, соколы и орлы. Изъ насѣкомыхъ здѣсь замѣчены фаланги и, вѣроятно, есть и скорпіоны. Въ рѣкѣ Гульчѣ водится много рыбы, но кромѣ марлики никакихъ другихъ породъ не найдено. По наружному виду марлика напоминаетъ форель; икра и внутренность ея сильно ядовиты, но мясо безвредно, и наши войска, равно какъ и туземцы, весьма охотно употребляютъ его въ пищу. Превышеніе Гульчи надъ уровнемъ моря 4,100 футовъ.

19 го іюля, мы, въ сопровожденіи конвоя изъ казаковъ, выступили вверхъ по рѣкѣ Гульчѣ къ ур. Кизылъ-курганъ для соединенія съ колонною, долженствовавшею двигаться на Башъ-Алай (т. е. Верхній Алай).

Дорога все время шла правымъ берегомъ рѣки по отклонамъ горъ, сжимающихъ ея русло. Мѣстами попадались карнизы, высоко повисшіе надъ рѣкою; но карнизы эти достаточно широки и особенной опасности для движенія не представляли, исключая одного мѣста, гдѣ въ карнизѣ образовалась осыпь, чрезъ которую лошади должны были переступать.

Кизылъ-курганъ лежитъ въ 18 верстахъ отъ Гульчи, и получилъ свое названіе отъ небольшой крѣпостцы (курганъ), слѣпленной изъ красной (кизылъ) глины. Это укрѣпленіе было сооружено еще коканцами, съ цѣлью наблюденія за кочевниками. Оно расположено на довольно помѣстительной площадкѣ, при впаденіи въ Гульчу рѣчки Мордашъ.

25-го іюля въ гульчинскую колонну прибылъ начальникъ алайскаго экспедиціоннаго отряда генералъ-маіоръ Скобелевъ, и на слѣдующій день колонна, въ составѣ: двухъ ротъ, одного конно-стрѣлковаго дивизіона, казачьей сотни, двухъ горныхъ орудій, ракетнаго взвода и команды саперовъ, двинулась на Алай. Путь колонны пролегалъ вверхъ по гульчинскому ущелью, характеръ котораго оставался тотъ же, что и прежде. Ущелье очень узко и очерчено высокими, нависшими скалами, лишь мѣстами только покрытыми наносною землею, сверхъ которой кой гдѣ пробивалась зеленая трава. Изрѣдка на высотахъ и въ ло-

(*) Ихъ нѣтъ, напримѣръ, въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Ташкентѣ и пр.; но много въ хивинскомъ и ферганскомъ оазисахъ.

гахъ виднѣлись одиноко растущія деревья арчи (juniperus pseudo sabinus) и только по дну ущелья, вдоль береговъ быстро катящейся съ шумомъ и ревомъ рѣчки, красовались ряды высокихъ тополей, тала, боярышника и другихъ породъ деревьевъ и кустарниковъ. Отъ Кизылъ-кургана дорога на значительномъ разстояніи вилась, по преимуществу, по высокимъ карнизамъ и могла доставить удовольствіе лишь любителямъ сильныхъ ощущеній. Животрепещущіе мостики, висящіе надъ бездною и по которымъ люди и животные отряда проходили только по одиночкѣ на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга, также не могли внушать пріятнаго ощущенія.

Верстахъ въ восьми отъ Кизылъ-кургана отрядъ прошелъ черезъ урочище Янги-арыкъ, гдѣ три мѣсяца тому назадъ было серьезное дѣло генерала Скобелева съ кара-киргизами. Значительная шайка кара-киргизовъ, подъ предводительствомъ Абдула-бека, задумала было попытать счастья въ борьбѣ съ русскими въ горахъ. Съ этою цѣлью ими были устроены весьма прочные завалы, подступы къ которымъ защищались, кромѣ стрѣлковъ, сидѣвшихъ за завалами, еще отдѣльными личностями, укрывавшимися за высокими гребнями и скатывавшими камни. Дѣло продолжалось около трехъ часовъ. Отрядъ, выбивъ непріятеля, бросавшаго камни, штурмовалъ завалы, и хотя понесъ, сравнительно, значительную потерю (три убитыми и 25 раненыхъ), но взялъ ихъ и, затѣмъ, преслѣдовалъ непріятеля, обратившагося въ бѣгство, вплоть до уроч. Суфи-курганъ. Янги-арыкское дѣло, какъ кажется, убѣдило кара-киргизовъ въ невозможности сопротивляться русскимъ даже и въ горахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого убѣжденія, кара-киргизы при настоящемъ движеніи отряда уже и не рѣшились больше давать русскимъ вооруженнаго отпора. Весь вредъ, причиненный ими отряду, ограничился только тѣмъ, что они сорвали черезъ рѣку Янги, при самомъ впаденіи ея въ Гульчу, висячій мостъ. Сотня и конные стрѣлки переправились въ бродъ. Могли бы переправиться и остальные, но вьючныхъ животныхъ многочисленнаго отряднаго транспорта пустить вбродъ было рискованно.

Вотъ почему, по приказанію начальника отряда, было приступлено къ сооруженію моста. Часть людей саперной команды и конныхъ стрѣлковъ и нѣсколько джигитовъ живо принялись за дѣло. Ободряемые начальникомъ отряда, люди бросились въ рѣку и по грудь въ холодной водѣ, подъ палящимъ солнцемъ, то и дѣло опрокидываемые теченіемъ, стали строить мостъ. Въ матеріалѣ недостатка не было. Лѣсъ былъ нарубленъ тутъ же. Изъ булыжныхъ камней, въ изобиліи находящихся на берегахъ бурливой рѣчки, образовали съ обѣихъ сторонъ рѣки насыпи, которыя съузили русло ея саженъ до четырехъ. Въ эти то насыпи и были уперты нарубленныя деревья, послужившія переводинами импровизированному мосту. Сдѣлать настилку изъ короткихъ бревенъ, сучьевъ, гальки и земли—уже было легко. Черезъ три часа мостъ былъ готовъ и отрядъ благополучно переправился черезъ него и двинулся далѣе. Еще верстъ восемь послѣ импровизированной переправы отрядъ карабкался по каменистымъ крутизнамъ, по рыхлымъ осыпямъ, по карнизамъ и балконамъ, благополучно преодолѣвая опасности, противопостав-

ляемыя природою. Потеря состояла только изъ одной лошади, сорвавшейся съ вьюкомъ въ пропасть и, конечно, погибшей безслѣдно.

При движеніи въ горахъ главнѣйшимъ образомъ являются трудности двоякаго рода: хожденіе по карнизамъ, либо по крутымъ отклонамъ надъ зіяющими пропастями, и переправа въ бродъ черезъ быстрые горные потоки. Ширина карнизовъ надъ пропастями иногда ограничивается одною четвертью аршина, а ширина тропы по крутымъ косогорамъ зачастую измѣряется лишь шириною конскаго копыта, либо человѣческой ступни (*). Есть люди, съ которыми дѣлается головокруженіе, когда имъ приходится стоять высоко надъ стремниною; другимъ, напротивъ, дѣлается дурно, когда они смотрятъ на быстро текущую воду, при переправѣ въ бродъ. Само собою разумѣется, что люди съ слабыми нервами, путешествуя въ горахъ, не должны въ описанныхъ случаяхъ смотрѣть внизъ, а поворачивать голову (или глаза) въ сторону, либо въ верхъ. На узкихъ карнизахъ необходимо лошадей развьючивать и переносить тяжести на рукахъ.

Не доходя верстъ семи до ур. Суфи-курганъ, ущелье рѣки Гульчи разширяется и дорога идетъ уже низомъ, частью по лугу, частью по галькамъ. Наконецъ, появляются цѣлыя рощи изъ высокихъ и толстыхъ тополей (родъ осокори), которыя значительно оживляютъ ландшафтъ окружающихъ безплодныхъ, обнаженныхъ скалъ. Отрядъ расположился на ночлегъ въ одной изъ такихъ рощъ, не доходя верстъ двухъ до Суфи-кургана. Урочище называется Куланка-тугай, т. е. тѣнистый лугъ. Длина перехода въ этотъ день 20 верстъ. На всемъ протяженіи не было видно ни одного обывателя; все ушло на Алай, либо попряталось въ боковыя щели.

27-го іюля отряду была дана дневка. Утромъ начальникъ отряда принималъ Хассанъ-бека, брата Абдула-бека, предводителя возставшихъ кара-киргизовъ. Хассанъ-бекъ присланъ для переговоровъ относительно изъявленія покорности, почему былъ ласково принятъ генераломъ Скобелевымъ и одаренъ богатымъ халатомъ и золотыми часами. Можно надѣяться, что теперь дѣло обойдется безъ кровопролитія, и нашъ отрядъ на Алаѣ всецѣло займется преслѣдованіемъ однихъ мирныхъ и научныхъ цѣлей. **Л. Костенко.**

Ур. Куланка-тугай.
27-го іюля.

(Продолженіе будетъ).

Суббота
№ 211

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

25-го Сентября
1876

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе **ВОЕННАГО СБОРНИКА**, вмѣстѣ съ **РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ**, съ доставкою или пересылкою **10 рублей.**

На одинъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ**, съ доставкою или пересылкою:

Въ Россіи . . . . . **7 р. 50 к.**

За границу . . . . . **10 » — »**

На мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На одинъ **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ**, съ дост. или перес. въ **Россіи:**

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	7 50	на 9 м.	6 —	на 6 м.	4 80	на 3 м.	3 —
» 11 м.	7 —	» 8 »	5 50	» 5 »	4 —	» 2 »	2 40
» 10 »	6 50	» 7 »	5 —	» 4 »	3 50	» 1 »	1 20

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	13 50	на 9 м.	11 —	на 6 м.	8 —	на 3 м.	5 —
» 11 м.	13 —	« 8 »	10 —	» 5 »	7 —	» 2 »	3 40
» 10 »	12 —	» 7 »	9 —	» 4 »	6 —	» 1 »	1 70

ПОДПИСКА на газету **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ** и журналъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ** принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, на Надеждинской ул., въ д. № 42; тутъ же принимаются и ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ.

ЦѢНЫ ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, для напечатанія въ **РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ**, опредѣлены прейсъ-курантомъ. За разсылку объявленій при газетѣ взимается по **4 руб.** съ тысячи экземпляровъ.

Подписка на изданія безъ доставки не принимается.

На основаніи циркуляровъ Главнаго Штаба, отъ 8-го февраля 1867 года, за № 40 и отъ 31-го іюля 1869 года, за № 194, казенныя объявленія, доставляемыя отъ войскъ, для напечатанія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», должны быть присылаемы не въ редакцію, а въ Главный Штабъ, съ приложеніемъ причитающихся за напечатаніе денегъ.

ГОДЪ 63-й.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АЛАЙСКІЯ ГОРЫ.

(Кореспонденція «Русскаго Инвалида»).

II (*).

28-го іюля отрядъ двинулся далѣе, по направленію къ Алаю.

Путь на всемъ протяженіи лежалъ по широкому ущелью и не представлялъ никакой трудности для движенія. Единственное неудобство, которое приходилось испытывать пѣхотѣ—это безпрестанныя переправы въ бродъ черезъ рѣчку Гульчу; глубина главнаго русла сперва доходила почти до пояса, но чѣмъ дальше отрядъ подвигался вверхъ, тѣмъ количество воды въ рѣчкѣ становилось меньше. Особенно сдѣлалось замѣтнымъ уменьшеніе воды въ Гульчѣ, выше впаденія въ нее притока Терекъ-су, вытекающаго изъ Терекъ-даванскаго перевала. Дорога къ упомянутому перевалу отдѣляется у Суфи-кургана, бывшей коканской крѣпостцы, расположенной въ двухъ верстахъ отъ ур. Коленкатугай. Отъ Суфи-кургана горы, ограничивающія ущелье или, пожалуй, долину Гульчи, стали постепенно понижаться, хотя самое дно ущелья замѣтно подбимается: такъ и кажется, что ущелье тотчасъ окончится и взору предстазится высокая равнина Алая.

Составъ горъ, образующихъ ущелье, также нѣсколько измѣнился: теперь въ строеніи ихъ стала преобладать глина (смѣшанная съ галькой) и по преимуществу красная. Скаты зачастую одѣты а р ч е ю, распространеніе которой возростаетъ съ высотою. Въ южно-коканскихъ горахъ нижняя граница арчи лежитъ на высотѣ около 5,000 футовъ, а верхняя—доходитъ до 10,000 футовъ. Арча хотя и напоминаетъ издали ель, но далеко не достигаетъ высоты послѣдней, и вообще арчевые лѣса Средней Азіи суть только слабое подобіе нашихъ европейскихъ лѣсовъ и боровъ.

Ущелье, по которому двигался отрядъ, оглашалось щебетаньемъ множества птицъ, между которыми наиболѣе интереса возбуждала одна порода горнаго кулика, порода, встрѣчающаяся только въ Гималаяхъ и въ Тянь-шанѣ (**). Этотъ куликъ, величиною съ большаго голубя, замѣчателенъ своимъ длиннымъ (вершка въ два) изогнутымъ клювомъ, который служитъ птицѣ для вытаскиванія добычи изъ подъ камней и гальки, такъ какъ птица обитаетъ и с к л ю ч и т е л ь н о вдоль горныхъ ручьевъ, ложе которыхъ покрыто галькою. При этомъ она не спускается ниже 4,000—5,000 футовъ надъ поверхностью моря.

Изъ четвероногихъ на всемъ пройденномъ пространствѣ преобладаютъ с у р к и, норы которыхъ попадаются чуть не на каждомъ шагу.

Къ концу перехода путь отряда удалился отъ ущелья Гульчи и отрядъ, перевалив черезъ небольшой, мягкій, глинистый кряжъ (к и з ы л ъ - к у р т ъ—красный хребетъ), остановился на ночлегъ у подошвы его, на берегу Гульчинскаго оврага, къ которому дорога вышла снова. Отрядъ остановился въ живописной мѣстности, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ въ 28 верстъ.

Едва отрядъ расположился биваком, какъ было получено извѣстіе, что шайка каракиргизовъ, подъ начальствомъ Абдула-бека, напала на нашего посланца, Шабдана, отправленнаго въ непріятельскій лагерь съ предложеніемъ о сдачѣ русскимъ войскамъ. Генералъ Скобелевъ тотчасъ выслалъ противъ Абдула-бека летучій отрядъ изъ сотни казаковъ и дивизіона конныхъ стрѣлковъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника князя Витгенштейна. Этотъ отрядъ въ 6½ часовъ вечера двинулся къ ущелью Арчатъ.

29-го іюля главный отрядъ снялся съ позиціи на Кизылъ-куртѣ и направился по ущ. А р ч а т ъ, вслѣдъ за летучей колонной князя Витгенштейна. Ущелье Арчатъ получило свое названіе отъ обилія арчеваго лѣса, которымъ покрыты его покатости. По дну струится ручей, впадающій въ Гульчу. Это ущелье оказалось самымъ живописнымъ изъ

(*) См. «Русскій Инвалидъ» № 206-й.

(**) Г. Сѣверцевъ первый встрѣтилъ этого кулика въ Тянь-шанѣ (въ Семирѣченской области) и не зная, что этотъ же видъ существуетъ и въ Гималаяхъ, назвалъ его въ честь туркестанскаго генералъ-губернатора Falcirostra Kaufmani; но покойный Федченко, въ описаніи своего путешествія по Коканскому ханству, обращаетъ вниманіе на то, что видъ, открытый г. Сѣверцевымъ, составляетъ только новость по отношенію къ Тянь-шану; по свидѣтельству Федченко, этотъ же самый видъ описанъ Греемъ еще въ 1835 году, подъ именемъ Ibidorhynchus Struthersii.

всѣхъ ущелій, встрѣченныхъ до сихъ поръ въ южно-коканскихъ горахъ; вообще можно сказать, что горы и ущелья Семирѣческой области несравненно живописнѣе и разнообразнѣе описываемыхъ горъ. Кромѣ арчи, въ упомянутомъ ущельѣ попадается еще: таволга, рябина, изрѣдка береза и нѣкоторыя породы кустарниковъ.

Путь отряда на протяженіи восьми верстъ не былъ труденъ, но затѣмъ начался перевалъ черезъ хребетъ Арчатъ. Крутизна хребта замѣчательная; гребень перевала лежитъ всего въ полутора верстахъ отъ подошвы, и возвышается надъ нею на полторы тысячи футовъ. Абсолютная высота перевала, по барометрическому измѣренію, 10,300 футовъ. Боковые, прилегающіе съ обѣихъ сторонъ пики, по измѣренію ихъ кипрегелемъ, высятся на 13,000. Тропинка на вершину перевала ведетъ частыми и крутыми зигзагами: множество вьючныхъ лошадей оступалось и скатывалось внизъ, но почти всѣ вьюки были спасены (*). Перевалъ Талдыкъ, лежащій западнѣе, по которому сперва предполагалось двигаться гульчинской колоннѣ, несравненно положе, почему онъ легче можетъ быть приспособленъ къ колесной ѣздѣ. Отрядъ не пошелъ по этому послѣднему перевалу только потому, что надлежало идти вслѣдъ за летучей колонной князя Витгенштейна.

Съ высоты перевала открылся величественный видъ на Алай и Заалайскія горы, за которыми скрывалась наименѣе извѣстная часть Памира. Представившаяся взору долина или, правильнѣе, высокое плато рѣки Кизыяъ-су, было окаймлено съ юга грандіознымъ хребтомъ, на всемъ протяженіи увѣнчаннымъ снѣгомъ. Почти прямо противъ перевала виднѣлся пикъ, названный извѣстнымъ изслѣдователемъ южно-коканскихъ горъ, Федченко, пикомъ Кауфмана, въ честь туркестанскаго генералъ-губернатора. Спускъ съ перевала Арчатъ въ долину Кизылъ-су не великъ, всего девять верстъ. Вдоль ущелья, образующаго спускъ, струится ручеекъ; покатости ущелья совершенно обнажены отъ лѣса и кустарника; но за то дно и бока покрыты, точно великолѣпнымъ ковромъ, высокою, сочною и густою травою, перемѣшанною съ цвѣтами. Кизылъ-су течетъ близъ подошвы спуска. Онъ извивается по обширному ложу, въ одну версту ширины, и разбивается на множество рукавовъ; глубина главнаго рукава въ это время года равняется аршину. Цвѣтъ воды въ рѣкѣ — красный (кизылъ), вслѣдствіе растворенія въ ней красной глины, составляющей грунтъ ложа; тѣмъ не менѣе, на вкусъ вода оказывается хорошею и совершенно безвредною. Переправясь черезъ рѣку въ бродъ, отрядъ пошелъ по Алайской степи, густо покрытой кипцемъ и ковылемъ. Кипецъ, какъ извѣстно, составляетъ необыкновенно питательный кормъ для лошадей. Многочисленные слѣды помета свидѣтельствуютъ, что тутъ проходили большія стада; но теперь далеко вокругъ не было видно ни одного живого существа.

Перейдя нѣсколько узкихъ, сухихъ руселъ и логовъ, отрядъ расположился на ночлегъ въ $3^1/_2$ верстахъ отъ Кизылъ-су, на берегу небольшой рѣчки Кичкине-Кизылъ-су, отличающейся такою же красною водою, какъ и Кизылъ-су, въ который она впадаетъ. Превышеніе мѣстности надъ поверхностью моря 9,300 футовъ. Ночь была очень холодная; термометръ къ утру опустился до 5^0 Ц.; трава была покрыта инеемъ. Но съ восходомъ солнца термометръ сталъ быстро подыматься,

(*) Князь Витгенштейнъ перешелъ черезъ этотъ перевалъ ночью безъ всякихъ потерь.

такъ что къ полудню сдѣлалось на столько жарко, что можно было оставаться въ одномъ китель.

30-го іюля отрядъ двинулся на юго-востокъ, къ подошвѣ Заалайскаго хребта, гдѣ стоялъ уже на позиціи летучій отрядъ князя Витгенштейна. Мѣстность отъ ночлега до подошвы горъ представляетъ слегка всхолмленную равнину, въ общемъ, замѣтно поднимающуюся къ Заалайскимъ горамъ. Узкіе, сухіе русла и лога пересѣкаютъ ее въ различныхъ направленіяхъ. Въ густой, сочной травѣ растетъ множество породъ грибовъ и, между прочимъ, шампиньоновъ, что составляетъ большую рѣдкость въ Средней Азіи. Извѣстно, что ни въ Киргизскихъ степяхъ, ни въ Кизылъ-кумахъ и другихъ степяхъ Туркестана нѣтъ грибовъ. Длина перехода въ этотъ день 12 верстъ; слѣдовательно, ширина алайской равнины въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкъ ее отрядъ, равняется 17-ти верстамъ. Отрядъ въ этотъ день расположился на ночлегъ въ предгоріяхъ Заалайскаго хребта, вмѣстѣ съ летучей колонной князя Витгенштейна.

Князь Витгенштейнъ наканунѣ сдѣлалъ рекогносцировку на вершину перевала Кизылъ-артъ и въ стороны. Во время рекогносцировки захваченъ большой табунъ овецъ и лошадей, принадлежавшихъ враждебнымъ намъ киргизамъ. Но самое главное пріобрѣтеніе было захватъ матери и женъ Абдула-бека.

Вечеромъ или, правильнѣе, ночью, когда уже совсѣмъ стемнѣло, князь Витгенштейнъ съ конно-стрѣлковымъ дивизіономъ былъ двинутъ въ ущелье Кизылъ-артъ, для преслѣдованія Абдула-бека, бо́льшая часть шайки котораго, по полученнымъ извѣстіямъ, разбѣжалась, такъ что при немъ остались не больше 25 человѣкъ.

31-го іюля въ лагерь явились біи и старшины всѣхъ родовъ каракиргизовъ, кочующихъ на Алаѣ, съ изъявленіемъ полной покорности русскимъ властямъ. Начальникъ отряда принялъ ихъ, но въ наказаніе за непокорность и за то, что многіе изъ ихъ соотечественниковъ участвовали въ шайкѣ Абдула-бека, наложилъ на нихъ легкую пеню, а именно: приказалъ заплатить единовременно, вмѣсто 4 руб. за податнаго барана—6 рублей и, кромѣ того, предупредилъ населеніе, что оно должно выставить въ текущемъ году нѣсколько сотъ рабочихъ для разработки дороги отъ Гульчи до Суфи-кургана. Плѣнные и вообще виновные по участію въ возмущеніи и захваченные въ разное время нашимъ отрядомъ были прощены.

Вслѣдъ затѣмъ, начальникъ отряда посѣтилъ мать Абдула-бека, женщину весьма умную, энергическую и пользующуюся большимъ вліяніемъ на народъ. Она правила своимъ народомъ на патріархальномъ основаніи и при вѣсти о приближеніи русскихъ бѣжала было въ Кашгарію; но будучи ограблена тамъ кашгарскими властями, она предпочла возвратиться въ русскіе предѣлы, гдѣ и попалась въ руки нашего отряда. Начальникъ отряда обласкалъ ее, одарилъ богатыми подарками и выразилъ желаніе, чтобы она употребила все свое вліяніе на зависѣвшіе отъ нея роды каракиргизовъ относительно того, чтобы они сидѣли смирно, занимались своимъ дѣломъ и сдѣлались бы достойными подданными Бѣлаго Царя.

Мать Абдула-бека выразила полное желаніе служить русскимъ интересамъ и обѣщала написать сыну, чтобы онъ покорился русскимъ, которые, согласно заявленію начальника отряда, не сдѣлаютъ ему ничего дурнаго.

1-го августа отрядъ передвинулся на нѣсколько верстъ въ сторону, избравъ для бивака болѣе просторную и удобную

позицію, гдѣ и рѣшено было выжидать присоединенія ошской и учь-курганской колоннъ.

Въ 11 часовъ утра прибылъ въ лагерь конно-стрѣлковый дивизіонъ, посланный, 30-го іюля, съ княземъ Витгенштейномъ въ погоню за Абдулъ-бекомъ. Дивизіонъ вернулся съ позиціи у озера Кара-куль. Самъ же князь, съ 30-ю конными стрѣлками и 20 джигитами, продолжалъ движеніе дальше, по слѣдамъ Абдулъ-бека, который, по полученнымъ свѣдѣніямъ, бѣжалъ по направленію къ Афганистану.

Офицеры, возвратившіеся съ конно-стрѣлковымъ дивизіономъ, разсказывали, что плато, на которомъ лежитъ озеро Кара-куль, расположено столь высоко надъ поверхностью моря, что у многихъ людей текла изъ носу кровь, а нѣкоторые падали безъ чувствъ.

Отъ подошвы Заалайскаго хребта (у мѣста расположенія отряда) конный дивизіонъ шелъ около 27 верстъ до вершины перевала. По ту сторону хребта находится небольшое озеро Кизылъ-куль, которое, вѣроятно, служитъ истокомъ для Кизылъ-дарьи, притока Кашгаръ-дарьи. Мѣстность безплодная, покрытая либо солонцами, либо песками, мѣстами сыпучими, мѣстами твердыми, на которыхъ только изрѣдка видится тощая травка. По дорогѣ не было встрѣчено ни одного живого существа. Одни громадные рога горныхъ барановъ или архаровъ (Ovis polii), валявшіеся по дорогѣ, свидѣтельствовали о томъ, что тутъ жизнь еще не окончательно изсякла. Переваливъ черезъ второй (невысокій) хребетъ, отрядъ увидѣлъ большое озеро Кара-куль, лежащее верстахъ въ 65 отъ сѣверной подошвы Заалайскаго хребта. Плато окружено высокими снѣжными горами. Цвѣтъ воды въ озерѣ лазурный. Въ серединѣ озера виднѣется островъ. Грунтъ дна илистый. Во время прибытія дивизіона, поверхность озера была слегка замерзшею. Изъ озера вытекаетъ на востокъ рѣка, по направленію къ Кашгару, до котораго, по разсказамъ проводниковъ, всего шесть дней медленной ѣзды. Нашъ летучій отрядъ все время не находилъ ни корма для лошадей, ни топлива. На Кара-кулѣ, для согрѣванія людей и для кипяченія воды для чая, былъ употребленъ свѣжій пометъ собственныхъ лошадей. Вообще, вся пройденная мѣстность по Памиру представляетъ самую суровую картину безплодія и унынія. Дальнѣйшія подробности о Памирѣ будутъ сообщены впослѣдствіи.

Л. Костенко.

Алай, 2-го августа.

Воскресенье
№ 229

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

17-го Октября
1876

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе ВОЕННАГО СБОРНИКА, вмѣстѣ съ РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ, съ доставкою или пересылкою 10 рублей.

На одинъ ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ, съ доставкою или пересылкою:

Въ Россіи . . . . . 7 р. 50 к.

За границу . . . . . 10 » — »

На мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На одинъ РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, съ дост. или перес. въ Россіи:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	7 50	на 9 м.	6 —	на 6 м.	4 80	на 3 м.	3 —
» 11 м.	7 —	» 8 »	5 50	» 5 »	4 —	» 2 »	2 40
» 10 »	6 50	» 7 »	5 —	» 4 »	3 50	» 1 »	1 20

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	13 50	на 9 м.	11 —	на 6 м.	8 —	на 3 м.	5 —
» 11 м.	13 —	« 8 »	10 —	» 5 »	7 —	» 2 »	3 40
» 10 »	12 —	» 7 »	9 —	» 4 »	6 —	» 1 »	1 70

ПОДПИСКА на газету РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ и журналъ ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, на Надеждинской ул., въ д. № 42; тутъ же принимаются и ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ.

ЦѢНЫ ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, для напечатанія въ РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ, опредѣлены прейсъ-курантомъ. За разсылку объявленій при газетѣ взимается по 4 руб. съ тысячи экземпляровъ.

Подписка на изданія безъ доставки не принимается.

На основаніи циркуляровъ Главнаго Штаба, отъ 8-го февраля 1867 года, за № 40 и отъ 31-го іюля 1869 года, за № 194, казенныя объявленія, доставляемыя отъ войскъ, для напечатанія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», должны быть присылаемы не въ редакцію, а въ Главный Штабъ, съ приложеніемъ причитающихся за напечатаніе денегъ.

ГОДЪ 63-й.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АЛАЙСКІЯ ГОРЫ.

(Корреспонденція «Русскаго Инвалида»).

III (*).

2-го августа было получено свѣдѣніе, что Абдулъ-бекъ бѣжалъ будто бы въ кашгарскіе предѣлы. Начальникъ отряда тотчасъ задумалъ запереть ему дорогу нашими отрядами со стороны Кашгара, и требовать у кашгарскихъ властей выдачи упомянутаго предводителя возстанія. Съ этою цѣлью, генералъ Скобелевъ, между прочимъ, снарядилъ въ походъ конно-стрѣлковый дивизіонъ, который и отправилъ въ распоряженіе князя Витгенштейна, находившагося на Кара-кулѣ. Съ этою летучею колонною предложено было отправиться и мнѣ. Выступленіе послѣдовало чрезвычайно быстро: черезъ часъ по отдачѣ приказанія. Люди взяли запасъ продовольствія на шесть дней. Я, захвативъ съ собою только самое необходимое, какъ-то: теплое платье, ячмень для лошадей и запасъ продовольствія, выступилъ вмѣстѣ съ стрѣлками.

Мы вышли изъ лагеря въ 9 часовъ вечера, когда уже сдѣлалось совершенно темно. Небо со всѣхъ сторонъ было покрыто тучами, такъ что ни одна звѣздочка не свѣтила намъ. Темнота была такая, о которой говорится, что зги не видать. Отрядецъ шелъ медленно, переходя логи и овраги, не представляющіе никакого затрудненія днемъ, но ночью надо было проходить съ большою осторожностью, такъ какъ берега этихъ роговъ зачастую хотя не высоки но круты и даже отвѣсны (**). Пришлось положиться на инстинктъ лошади и довѣриться ей вполнѣ. Движеніе по равнинѣ даже темной ночью, впрочемъ, и не могло представить серьезной опасности; совершенно другое—въ горахъ. Но отрядецъ разсчитывалъ вступить въ горы, когда взойдетъ луна, надѣясь, что, при лунѣ, даже закрытой тучами, идти будетъ все-таки лучше, чѣмъ безъ луны. Пройдя верстъ семь алайскою степью, отрядъ втянулся въ широкое ущелье Кизылъ-артъ въ Заалайскомъ хребтѣ. Ущелье образуется рѣчкою того же имени, текущей въ южной части нѣсколькими рукавами, по гладкому руслу, сплошь усѣянному галькою. По этой-то галькѣ и шелъ отрядъ. Чѣмъ дальше подвигался онъ въ глубь ущелья, тѣмъ галька становилась крупнѣе и, наконецъ, перешла въ каменья, между которыми лошадь должна была ступать съ большою осторожностью. Особенно крупными сдѣлались камни при поворотѣ ущелья влѣво, вдоль притока главной рѣчки, куда и повернула наша дорога. Крупные каменья, заваливающіе вторую (верхнюю) часть ущелья, служатъ главнѣйшимъ затрудненіемъ пути по ущелью и самаго перевала Кизылъ-артъ. Къ счастью, отрядъ вошелъ въ полосу камней, когда луна уже взошла, такъ что движеніе совершилось благополучно. Вершина перевала находится верстахъ въ 25 отъ устья ущелья и дорогу легко можно было бы сдѣлать колесною, разобравъ каменья, загромождающіе какъ русло рѣки, такъ и отклоны горъ. Особенно дико и пустынно ущелье въ верхней части, у перевала. Гребень перевала лежитъ на высотѣ 11,700 футовъ (***). Съ этого гребня открывается уже видъ на Памиръ вообще и въ тѣсномъ смыслѣ на ту часть его, которая извѣстна подъ именемъ Памира Харгоши (заячьяго); въ южной части этого Памира и лежитъ озеро Кара-куль (****). Съ высоты Кизылъ-артскаго перевала взору представляется масса различныхъ обнаженныхъ хребтовъ, снѣжныхъ и безснѣжныхъ, тянущихся въ различныхъ направленіяхъ, между которыми пролегаютъ болѣе или менѣе широкія долины и лощины, такъ же безплодныя, какъ и горы. Спускъ съ перевала отлогій и удобный и тянется всего версты двѣ, послѣ чего онъ упирается въ широкое ложе горной рѣчки, называемое киргизами Курунъ-сай (сухой логъ). Не смотря, однако, на названіе, по ложу струится рѣчка по направленію отъ юга къ сѣверу. Подошва перевала со стороны Памира лежитъ на высотѣ 11,000 футовъ. Длинное и широкое ложе Курунъ-сая сливается съ весьма длинною долиною Закъ, тянущеюся отъ востока къ западу. Ширина долины достигаетъ до двухъ верстъ. Дно ея на всемъ протяженіи покрыто либо галькою, либо пескомъ, мѣстами рыхлымъ, мѣстами твердымъ. Хребты или, правильнѣе, гряды горъ, ограничивающіе долину, не достигаютъ снѣжной высоты: они голы, каменисты и, состоя изъ глинистаго песчаника, сплошь покрыты разрушающимися породами. Въ сторону отъ описываемой долины отдѣляются поперечныя долины, разрѣзывающія упомянутыя гряды. Сквозь разрывы этихъ грядъ (12,000 — 13,000 футовъ) виднѣются справа и слѣва снѣговыя гряды. Долина тянется верстъ на 20, постепенно подымаясь къ востоку, и оканчивается невысокими грядами, состоящими изъ конгломерата. Здѣсь высота достигаетъ снова до 11,700 футовъ. Съ высоты этого небольшаго перевала начинается спускъ въ котловину озера Кара-куль. Взору открывается обширный басейнъ озера, окаймленнаго, какъ кольцомъ, горами. Горы по большей части снѣжныя, особенно съ восточной стороны, и только на западной и сѣверной сторо-

(*) См. «Русскій Инвалидъ» № 211-й.

(**) Кромѣ того, почти на каждомъ шагу встрѣчаются норы сурковъ, что въ ночное время представляетъ также не маловажное затрудненіе для быстраго движенія.

(***) На самомъ гребнѣ усматриваются двѣ могилы каракиргизскихъ святыхъ, изъ которыхъ одна побольше — убрана тугами, бараньими и архаровыми рогами, лоскутьями одежды и пр. По сторонамъ сѣдловины перевала усматривается нѣсколько снѣжныхъ пиковъ, едва, впрочемъ, достигающихъ 14,000 футовъ высоты.

(****) Юль принимаетъ шесть Памировъ.

нахъ видѣнъ прорывъ снѣжной линіи. Вообще видъ на котловину, на днѣ которой лежитъ большое озеро, лазуревато цвѣта, съ возвышающимися островами и полуостровами по серединѣ, весьма живописенъ. Пройдя верстъ 12 по пологому спуску, мы остановились на ночлегъ на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ озеро, въ двухъ верстахъ отъ ея устья.

На другой день (3-го августа) я предпринялъ экскурсію на островъ, лежащій на Кара-кулѣ. Значительная часть поверхности озера занята островами и полуостровами, представляющими видъ возвышенной продольной гряды, пересѣкающей озеро по направленію отъ сѣвера къ югу. Самый большой островъ прилегаетъ къ сѣверному берегу озера и соединяется съ нимъ, точно мостомъ, узкимъ перешейкомъ, около 250 саженей длины и около 10 саженей ширины. Перешеекъ этотъ имѣетъ незначительное превышеніе и образованъ наносомъ песка, сдуваемаго господствующимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Островъ имѣетъ восемь верстъ длины и четыре версты ширины и состоитъ изъ песчаныхъ холмовъ, покрытыхъ, точно битыми черепьями, обломками слюдистаго сланца. Мѣстами, на высотахъ и гребняхъ холмовъ, торчатъ большія массы упомянутыхъ сланцовъ, слои которыхъ приподняты почти вертикально. Высота холмовъ достигаетъ до 600—700 футовъ надъ поверхностью озера, и съ вершинъ ихъ видны обѣ стороны озера и окаймляющіе его хребты. Поверхность острова дика, безплодна и совершенно негодна для обитанія человѣка, тѣмъ не менѣе, и люди, и животныя заходятъ сюда. Такъ, мною были усмотрѣны слѣды людей и лошадей; найденъ довольно свѣжій слѣдъ зайца; множество роговъ архаровъ (Ovis Polii) со скелетами головъ валяется по поверхности: я насчиталъ восемь паръ такихъ роговъ. Низменная часть острова, прилегающая узкими полосами къ озеру, покрыта мѣстами зеленою травою и посѣщается стаями птицъ, что видно изъ массы перьевъ, слѣдовъ и птичьяго помета. Судя по упомянутымъ даннымъ, на берегу острова находятъ пристанище дикіе гуси, утки, чайки и др.

Поверхность острова продолжаетъ постепенно увеличиваться, что можно заключить изъ того, что многія низменныя пространства были недавно заливами или, даже, озерами. Высохшая поверхность такихъ заливовъ и озеръ, покрытая слоемъ магнезіи и еще не успѣвшая быть занесенною пескомъ, блеститъ подобно снѣгу и ослѣпляетъ глазъ. Вѣтры дуютъ чрезвычайно рѣзкіе и жестокіе: они дуютъ ежедневно съ сѣвера, начиная съ 2—3 часовъ по-полудни. Болѣе жестокихъ порывовъ вѣтра я не испытывалъ. Твердые породы песчаника съ навѣтренной стороны острова замѣчательно исковерканы пескомъ, нагоняемымъ вѣтромъ. Многіе изъ нихъ высверлены насквозь. Преодолѣвая порывы вѣтра, я добрался до наиболѣе высокой сопки, находящейся на концѣ, и былъ достаточно вознагражденъ за свою предпріимчивость. Предо мною открылась великолѣпная картина. Круговой снѣжный

хребетъ, какъ будто непосредственно выходилъ изъ воды, гордо глядясь въ зеркальную синеву озера, омывающаго его подошву. Прямо къ югу, на продолженіи того острова, на которомъ я находился, тянулась высокая песчаная гряда, отдѣленная отъ острова проливомъ, въ одну версту ширины и пять верстъ длины. Эта гряда была когда-то также островомъ, но теперь составляетъ совершенный полуостровъ. Мнѣ казалось, что я находился въ центрѣ громаднаго кратера, дно котораго залито водою. Только въ одномъ мѣстѣ свѣжный вѣнецъ кратера былъ прорванъ, но и этотъ прорывъ замыкался болѣе отдаленными грядами горъ.

Вообще видъ озера съ высоты острова, на которомъ я находился, одинъ изъ самыхъ красивѣйшихъ.

Въ теченіе 3-го, 4-го и 5-го августа, я и подполковникъ корпуса топографовъ Лебедевъ, обрекогносцировали озеро съ трехъ сторонъ, причемъ г. Лебедевъ снялъ на планъ все озеро, опредѣливъ южную (необрекогносцированную) его часть засѣчками. На основаніи этой съемки точно опредѣлилась фигура озера. Это озеро, будучи разбито вышеупомянутою грядою, состоитъ изъ двухъ частей: восточной и западной, соединенныхъ между собою проливомъ, о которомъ также сказано уже выше. Длина его 22 версты (отъ сѣвера къ югу), а ширина—черезъ проливъ—17 верстъ (отъ востока къ западу).

Озеро не имѣетъ ни одного истока (*), но за то принимаетъ въ себя нѣсколько рѣчекъ, вытекающихъ изъ горъ; всѣ эти рѣчки легко проходимы въ бродъ. Берега плоскіе, низменные, составляютъ продолженіе дна озера и ясно свидѣтельствуютъ объ усыханіи его. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разстояніе отъ подошвы до края озера равняется 10 верстамъ (съ восточной стороны), въ другихъ оно сокращается до шести, четырехъ и двухъ верстъ, а на западной сторонѣ горы подходятъ даже къ самому краю озера и упираются въ него мысами, не допускающими возможности проходить вдоль берега; въ этихъ случаяхъ приходится переваливать черезъ упирающіеся въ воду контрфорсы хребтовъ, окружающихъ озеро съ запада. Доступъ къ озеру легокъ и возможенъ, грунтъ песчаный. Вода чрезвычайно свѣжая и прозрачная, даже во время самаго сильнаго волненія. На вкусъ она слегка горькая, такъ что лошади могутъ пить ее при

(*) Озеро Кара-куль и вообще пройденная мною часть Памира принадлежатъ къ числу наименѣе извѣстнѣйшихъ пространствъ нашей планеты. Относительно Кара-куля существовали только догадки. На превосходной картѣ Петермана, приложенной къ описанію путешествія г. Федченки въ Туркестанъ, озеро Кара-куль показано изливающимся въ Кашгарь-дарью, т. е. на востокъ. Юль, напротивъ, былъ склоненъ болѣе къ тому, что это озеро изливается въ Оксъ, т. е. вытекаетъ на западъ; наконецъ, есть географы, предполагающіе, что Кара-куль даетъ д в а и с т о к а: одинъ на востокъ и другой на западъ. Рекогносцировки, произведенныя мною, обнаруживаютъ, что ни одно изъ трехъ предположеній не вѣрно.

большой жаждѣ. Въ озерѣ водится рыба. Мелкую рыбу у берега я видѣлъ лично. Водяныя птицы, во-множествѣ летающія надъ поверхностью озера, также подтверждаютъ о томъ, что въ озерѣ должна водиться рыба.

Плоскіе берега озера, мѣстами, вдоль по теченію впадающихъ въ него рѣчекъ, покрыты рѣдкою, но довольно питательною травою, доставляющею если не обильный, то вполнѣ достаточный кормъ для скота.

Эта-то трава и даетъ возможность къ пропитанію стадъ кочевниковъ, которые время отъ времени посѣщаютъ окрестности озера. Такъ, по разсказамъ нѣкоторыхъ туземцевъ, находившихся при отрядѣ, на озерѣ кочуютъ части отдѣленій каракиргизскаго рода: ичкиликовъ, найманы и таити. Но въ то время, когда нашъ отрядъ стоялъ на озерѣ, вокругъ не было видно ни одной живой души, хотя слѣды людей и домашнихъ животныхъ усматривались во многихъ мѣстахъ. Отрядъ находилъ также старый пометъ (тезекъ или, иначе, кизякъ), служившій топливомъ, или, какъ выражались солдаты, дровами: недостатка въ такихъ дровахъ не ощущалось.

Дни во время стоянки на озерѣ стояли жаркіе, но по ночамъ термометръ спускался до нуля. По показаніямъ туземцевъ, дожди въ котловинѣ озера, лежащаго на 11,000 фут. надъ поверхностью моря, чрезвычайно рѣдки; лѣтомъ они по большей части разрѣшаются снѣжною крупою. Зимою снѣгъ хотя и выпадаетъ, но сдувается жестокими вѣтрами. Преобладающій вѣтеръ—сѣверный, дующій ежедневно.

Какъ о весьма интересной особенности озера слѣдуетъ привести показаніе туземцевъ, увѣрявшихъ, будто разъ въ недѣлю, именно по пятницамъ, уровень воды въ озерѣ поднимается. Явленіе это не можетъ казаться невозможнымъ. На Кара-кулѣ я имѣлъ возможность убѣдиться въ справедливости сказаній туземцевъ. Дѣйствительно, рѣчка, на которой мы стояли, съ вечера, наканунѣ пятницы, начала быстро наполняться водою и къ утру уровень ея поднялся на высоту почти вдвое бо́льшую, чѣмъ это случалось въ обыкновенные дни.

Л. Костенко.

6-го августа. Памиръ
(бивакъ на оз. Кара-куль).

(Продолженіе будетъ).

Вторникъ
№ 235

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

26-го Октября
1876

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе **ВОЕННАГО СБОРНИКА**, вмѣстѣ съ **РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ**, съ доставкою или пересылкою **10 рублей.**

На одинъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ**, съ доставкою или пересылкою:

Въ Россіи . . . . . **7 р. 50 к.**

За границу . . . . . **10 » — »**

На мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На одинъ **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ**, съ дост. или перес. **въ Россіи:**

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	7 50	на 9 м.	6 —	на 6 м.	4 80	на 3 м.	3 —
» 11 м.	7 —	» 8 »	5 50	» 5 »	4 —	» 2 »	2 40
» 10 »	6 50	» 7 »	5 —	» 4 »	3 50	» 1 »	1 20

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	13 50	на 9 м.	11 —	на 6 м.	8 —	на 3 м.	5 —
» 11 м.	13 —	« 8 »	10 —	» 5 »	7 —	» 2 »	3 40
» 10 »	12 —	» 7 »	9 —	» 4 »	6 —	» 1 »	1 70

ПОДПИСКА на газету **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ** и журналъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ** принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, на Надеждинской ул., въ д. № 42; тутъ же принимаются и ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ.

ЦѢНЫ ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, для напечатанія въ **РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ**, опредѣлены прейсъ-курантомъ. За разсылку объявленій при газетѣ взимается по **4 руб.** съ тысячи экземпляровъ.

Подписка на изданія безъ доставки не принимается.

На основаніи циркуляровъ Главнаго Штаба, отъ 8-го февраля 1867 года, за № 40 и отъ 31-го іюля 1869 года, за № 194, казенныя объявленія, доставляемыя отъ войскъ, для напечатанія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», должны быть присылаемы не въ редакцію, а въ Главный Штабъ, съ приложеніемъ причитающихся за напечатаніе денегъ.

ГОДЪ 63-й.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АЛАЙСКІЯ ГОРЫ.

(Кореспонденція «Русскаго Инвалида»).

IV (*).

Мы стояли на озерѣ Кара-кулѣ (на Памирѣ) уже нѣсколько дней въ ожиданіи возвращенія лазутчика, отправленнаго княземъ Витгенштейномъ для разслѣдованія, куда скрылся Абдулъ-бекъ. Возвратившійся черезъ четыре дня лазутчикъ объявилъ, что Абдулъ-бекъ съ немногими приверженцами бѣжалъ въ афганскіе предѣлы, откуда намѣревался идти въ Мекку на богомолье.

Такъ какъ приказанія возвратиться на Алай не было, то князь Витгенштейнъ разрѣшилъ мнѣ произвести рекогносцировку по направленію къ кашгарскимъ предѣламъ до озера Ранъ-куль и ур. Сары-колъ. Положеніе озера и урочища приблизительно было извѣстно князю изъ разсказовъ одного туземца, который въ настоящее время отсутствовалъ въ отрядѣ, такъ что мнѣ пришлось идти безъ проводника. Въ конвой назначены было 15 конныхъ стрѣлковъ и семь коноводовъ. Вмѣстѣ со мною отправился подполковникъ Лебедевъ и геодезистъ Бонсдорфъ. Запасъ продовольствія взятъ былъ на три дня. Снабженный такимъ образомъ маленькій отрядъ нашъ, 6-го августа, въ 10 часовъ утра, двинулся впередъ и направился сперва по восточному берегу озера Кара-куль.

Дорога шла по широкой равнинѣ между краемъ озера и подошвою снѣжнаго хребта, окаймляющаго озеро. Ширина равнины отъ пяти до шести верстъ, но въ одномъ мѣстѣ она съузилась до двухъ верстъ. Грунтъ, въ большинствѣ случаевъ, рыхлый, песчаный (отъ примѣси солонца), ближе къ горамъ — песчано-каменистый или просто каменистый. Множество озерковъ или плесовъ, оторванныхъ отъ берега озера неширокими перешейками, независимо отъ свойства почвы береговъ, утверждаютъ въ мысли, что Кара-куль быстро высыхаетъ. Пройдя 24 версты и пересѣкши нѣсколько горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кара-куль, мы остановились на ночлегъ при входѣ въ ущелье, образованное одною изъ такихъ рѣчекъ.

7-го августа, пройдя еще версты четыре по равнинѣ, повернули въ ущ. Ала-байталъ («пестрая кобыла»). Путь шелъ вверхъ по руслу ручейка, мѣстами обнаруживавшагося на поверхности, мѣстами же пропадавшаго подъ землею. Ущелье, покрытое болѣе или менѣе крупною галькою, хотя и замѣтно подымается, но довольно ровно. Чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ подъемъ становился круче; наконецъ, пройдя шесть верстъ отъ устья ущелья, достигли гребня перевала, который лежитъ на высотѣ 12,000 футовъ. Горы, образующія ущелье и перевалъ, состоятъ изъ мягкихъ породъ, сплошь усѣянныхъ обломками сланцовъ. Подымаясь по ущелью, мы видѣли зайцевъ, а на гребнѣ прилегающихъ къ перевалу высотъ замѣтили цѣлое стадо, головъ восемь, дикихъ козъ; изъ птицъ видѣли орловъ и вороновъ. Съ вершины перевала открылась картина, подобная той, какая представилась намъ съ высоты перевала Кизылъ-артъ.

Крутымъ спускомъ, въ пять верстъ длины, мы спусти-

(*) См. «Русскій Инвалидъ» № 229.

лись въ долину р. Чонъ-су, при впаденіи въ нее притока Узъ-бель-су.

Широкая долина (версты двѣ—три) Чонъ-су, что по каракиргизски значитъ «большая рѣка», тянется по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Долина праваго притока ея, Узъ-бель-су, сливается съ главною долиною подъ тупымъ угломъ, въ 20 верстахъ отъ истока Чонъ-су; такимъ образомъ, нижнее теченіе послѣдней рѣки составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженіе Узъ-бель-су. Чонъ-су, сдѣлавъ ниже крутой поворотъ, впадаетъ въ южную часть озера Кара-куль. Сдѣлавъ привалъ въ мѣстѣ слiянія Узъ-бель-су съ Чонъ-су, мы повернули вверхъ по теченію первой, прямо на востокъ. Рѣчка эта, имѣющая характеръ всѣхъ вообще горныхъ рѣкъ, течетъ на протяженіи 31 версты, почти не мѣняя своего направленія. Въ нижней своей части Узъ-бель-су сжата невысокими горами изъ красной глины и конгломерата, и дорога проходитъ по галькамъ и камнямъ, но, затѣмъ, далѣе долина расширяется, достигая двухъ и трехъ верстъ ширины, и образуетъ гладкую, ровную поверхность, слегка подымающуюся къ востоку. Хребты, ограничивающіе долину справа и слѣва, возвышаются надъ ея поверхностью тысячи на двѣ—на три футовъ; впрочемъ, хребты, окаймляющіе ее съ лѣвой (южной) стороны, нѣсколько выше, такъ что мѣстами переходятъ снѣжную линію, достигая 15,000—16,000 футовъ. Горы состоятъ изъ мягкихъ породъ, покрытыхъ осыпями сланцовъ, лоснящихся на солнцѣ. Покатости горъ голы и безплодны; также гола и безплодна и поверхность долины Узъ-бель-су. Мѣстами только вдоль теченія небольшихъ ручьевъ, стекающихъ съ горъ, а также у самыхъ краевъ береговъ Узъ-бель-су, попадаются небольшія полоски или пятна зеленой травы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень сочной, доставляющей кормъ для скота. Эта-то зелень и даетъ возможность для пропитанія стадъ номадовъ, слѣды которыхъ во все время движенія вверхъ по рѣкѣ мы усматривали довольно часто. Большею частью мы двигались даже по протоптанной тропинкѣ, долженствующей изображать большую дорогу, ведущую изъ Алая, черезъ Кара-куль, на Сары-колъ, въ кашгарскіе предѣлы.

Хребты, образующіе долину Узъ-бель-су, смыкаются въ верхней части рѣки, причемъ образуется перевалъ Узъ-бель, раздѣляющій басейнъ Кара-куля отъ басейна Сары-кола и вообще рѣкъ, составляющихъ Таримъ-голь. Красное сѣдло перевала Узъ-бель усматривается верстъ за 25, и мы почти все время шли, направляясь на него. Наконецъ, къ вечеру отрядецъ нашъ подошелъ къ сѣдлу перевала, причемъ мною были замѣчены три всадника, слѣдовавшіе за нами. Желая узнать, что это за люди и имѣя въ виду успокоить и предупредить ихъ, я послалъ къ нимъ трехъ джигитовъ, находившихся при отрядѣ. Не успѣли наши джигиты тронуться съ мѣста, какъ упомянутые всадники бросились бѣжать. Утомленные длиннымъ переходомъ лошади джигитовъ съ трудомъ могли настигать упомянутыхъ всадниковъ, которые, въ свою очередь, чтобы ускорить движеніе, побросали всѣ лишнія тяжести: коржуны съ припасами, чайники и проч., и, такимъ образомъ, спаслись отъ преслѣдованія нашихъ джигитовъ. Судя по догадкамъ нашихъ джигитовъ, вышеозначенные три всадника составляли пикетъ части шайки, отдѣлившейся отъ Абдула-бека и направившейся въ кашгарскіе предѣлы.

Съ высоты перевала Узъ-бель (12,500 фут. надъ поверхностью моря) открывается величественная картина на двѣ стороны: назадъ, по направленію къ западу, вырѣзывается, какъ на ладони, вся долина Узъ-бель-су и нижняго Чонъ-су, замыкаемая, какъ зубчатою стѣною, снѣжнымъ хребтомъ около 16,000 — 18,000 футовъ высоты; впереди, по направленію къ востоку, раскидывается долина одного изъ истоковъ, образующихъ Кашгаръ-дарью. Эта высокая долина, подобно только что пройденной, также окаймляется справа и слѣва невысокими хребтами, изъ которыхъ правый (южный) все таки выше и увѣнчивается мѣстами снѣгомъ. Эта долина замыкается далеко впереди грандіознымъ хребтомъ, переходящимъ весьма много за линію вѣчнаго снѣга. Это, вѣроятно, и есть тотъ хребетъ, о которомъ говоритъ г. Юль въ своемъ очеркѣ географіи и исторіи верховьевъ Аму-дарьи и который составляетъ восточную границу Памирской выси, отдѣляя ее отъ восточнаго Туркестана. Основываясь на Хейвордѣ (*), Юль говоритъ, что хребетъ этотъ достигаетъ въ отдѣльныхъ пикахъ до 20,000—21,000 ф. Но мнѣ показалось, что хребетъ этотъ гораздо выше, такъ что главные пики, вѣроятно, доходятъ до 25,000—26,000 ф. (**). Разстояніе отъ Узъ-беля до этого поперечнаго хребта около 80 верстъ. За хребтомъ лежитъ Кашгаръ, до котораго оставалось еще верстъ 60. Усмотрѣнный мною высокій снѣжный хребетъ, какъ кажется, рѣ-

(*) Хейвордъ путешествовалъ по восточному Туркестану въ 1868—1869 году. Онъ разсчитывалъ возвратиться въ Англію черезъ Туркестанскій округъ, но почему-то измѣнилъ свое рѣшеніе и направился обратно въ Индію, и на пути, въ Ясинѣ, былъ измѣнически умерщвленъ ханомъ этой землицы, въ 1870 году.

(**) Извѣстный изслѣдователь Алая, А. П. Федченко, преждевременно похищенный смертью, на основаніи теоретическихъ соображеній отрицалъ существованіе меридіональнаго хребта, ограничивающаго Памиръ съ востока. Онъ говорилъ, что Хейвордъ принялъ за хребетъ просто крутой склонъ Выси, которая въ мартѣ мѣсяцѣ, когда видѣлъ ее Хейвордъ со стороны Кашгара, была покрыта снѣгомъ. Я видѣлъ хребетъ съ противоположной стороны 7-го августа, и онъ показался мнѣ весьма грандіознымъ.

шаетъ самый важный и животрепещущій вопросъ относительно географіи Средней Азіи, а именно: вопросъ о меридіональномъ хребтѣ, о которомъ говорилъ Гумбольдтъ, называя его Болорскимъ хребтомъ. Въ послѣдніе годы русскіе ученые, сперва г. Сѣверцовъ и потомъ Федченко, а вслѣдъ за ними и англійскіе ученые, стали отрицать существованіе упомянутаго хребта, исходя изъ той догадки, что первостепенные хребты Тянь-шаня и Гималайя, сходясь вмѣстѣ, образуютъ узелъ, который Гумбольдтъ и принялъ за меридіональный хребетъ. По мнѣнію упомянутыхъ ученыхъ, мѣсто соединенія двухъ громадныхъ горныхъ цѣпей состоитъ изъ ряда хребтовъ, имѣющихъ преобладающее направленіе отъ востока къ западу. Федченко, посѣтившій долину Ферганы, Алайскія горы и Алай въ 1871 году, призналъ, что и Памиръ построенъ по тому же образцу, какъ и пройденныя страны, а именно: что онъ состоитъ изъ продольныхъ долинъ, очерченныхъ хребтами, идущими по паралели, и положительно отрицалъ всякіе меридіональные хребты. Ниже мы увидимъ, что строеніе Памира иное, а меридіональный хребетъ, ограничивающій Памирскую высь съ востока, я видѣлъ собственными глазами съ высоты перевала Узъ-бель. Открытіе этого хребта, во всякомъ случаѣ, составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе для географіи. Хребетъ этотъ было бы соотвѣтственнымъ назвать «Константиновскимъ», въ честь Августѣйшаго покровителя географической науки въ Россіи.

Отъ перевала Узъ-бель до небольшаго озера Ранъ-куль, по распроснымъ свѣдѣніямъ, считается три таша (24 версты), а отъ этого послѣдняго до Сары-кола $1^1/_2$ таша (12 верстъ). Именемъ Сары-кола (въ переводѣ значитъ «желтая рука») называется урочище, заключающее и долину, и рѣку. Долина эта, по разсказамъ туземцевъ, достаточно населена номадами. Ручей, стекающій съ перевала Узъ-бель къ востоку, по соединеніи у подошвы съ другимъ ручьемъ, образуетъ порядочную рѣчку, которая, по разсказамъ, проходитъ черезъ озеро Ранъ-куль и затѣмъ, подъ именемъ Сары-кола, течетъ дальше въ кашгарскіе предѣлы. Впрочемъ, свѣдѣнія эти требуютъ еще дальнѣйшихъ подтвержденій. Не смотря на все мое искреннее желаніе продвинуться до Сары-кола, я не могъ этого исполнить по неимѣнію для людей запаса продовольствія. Переночевавъ у подошвы перевала Узъ-бель, по ту сторону, на истокѣ кашгарской рѣки, я на другой день рѣшился возвратиться на Кара-куль.

8-го августа мы перевалили обратно черезъ Узъ-бель и остановились на истокѣ Узъ-бель-су, гдѣ геодезистъ Бонсдорфъ опредѣлилъ астрономическій пунктъ.

О самомъ перевалѣ я долженъ сказать, что онъ хотя и высокъ, но весьма легокъ и удобенъ. Онъ точно обточенъ съ обѣихъ сторонъ, и не представляетъ никакого затрудненія ни для входа, ни для спуска. Черезъ него можно было бы проѣхать даже въ экипажѣ. Грунтъ глинистый (красная глина), покрытый некрупною галькою. Превышеніе гребня перевала надъ подошвами около 1,000 футовъ. Прилегающіе къ сѣдловинѣ пики достигаютъ до 14,000 ф. высоты, слѣдовательно, превышаютъ сѣдловину лишь на полторы тысячи футовъ. На этихъ пикахъ лежатъ маленькія полоски снѣга. Вообще, надо сказать, что въ пройденной мною мѣстности снѣжная линія лежитъ на 14,000 ф. съ сѣверной стороны и на 15 и даже 16,000 футовъ съ южной.

Пройдя въ этотъ день внизъ по Узъ-бель-су, отрядъ остановился на ночлегъ при впаденіи ея въ Чонъ-су, у подошвы перевала Ала-байталъ и у входа въ ущелье Малый Чонъ-су. На другой день (9-го августа), желая избѣжать перевала черезъ Ала-байталъ, мы рѣшили возвратиться въ лагерь на Кара-кулѣ, черезъ ущелье Малый Чонъ-су. Пройдя по этому послѣднему, мы нашли, что путь по ущелью гораздо удобнѣе и нисколько не длиннѣе пути черезъ перевалъ. Ущелье хотя и называется Чонъ-су, но рѣчка, по имени которой оно называется, не проходитъ по немъ. Тѣмъ не менѣе, перевалъ въ этомъ ущельѣ почти не замѣтенъ, и приходится и переходить лишь черезъ нѣсколько невысокихъ холмовъ. Выходъ изъ ущелья въ долину Кара-куля запирается невысокимъ бугромъ, на вершинѣ котораго находятся двѣ могилы

кара-киргизскихъ святыхъ. Надъ одною изъ нихъ навалена куча архаровыхъ роговъ. Изъ ущелья мы повернули на право, оставивъ влѣво большую дорогу въ Бадахшанъ. Такимъ образомъ, у вышеупомянутой могилы соединяются три пути: въ Бадахшанъ, въ Коканъ (черезъ Кизылъ-артъ) и въ Кашгаръ (чрезъ Узъ-бель). Придя около 3-хъ часовъ по-полудни въ лагерь на Кара-кулѣ, мы въ тотъ же день выступили на Алай, куда прибыли на другой день, и присоединились къ главнымъ силамъ алайскаго отряда, остановившагося на позиціи у Арчи-булака, на южной подошвѣ Алайскаго хребта, въ 20 верстахъ отъ устья Кизылъ-артскаго ущелья. Такимъ образомъ, я пробылъ на Памирѣ девять дней и прошелъ до перевала Узъ-бель 136 верстъ по слѣдующему маршруту:

От устья перевала Кизылъ-артъ:	Число верстъ.
Вершина перевала Кизылъ-артъ	25
Вершина перевала въ котловину озера Кара-куль (Кичкине Кизылъ-артъ)	30
Позиція у озера Кара-куля	12
Входъ въ устье ущелья Малое Чонъ-су . .	29
Слiяніе Чонъ-су съ Узъ-бель-су	9
Перевалъ Узъ-бель	31
Итого	136

Князь Витгенштейнъ, преслѣдуя Абдула-бека, еще раньше прошелъ вверхъ по р. Чонъ-су, и, переваливъ черезъ снѣжный хребетъ (перевалъ Туюкъ-су), возвратился назадъ. За переваломъ, на основаніи распросныхъ свѣдѣній, течетъ въ юго-восточномъ направленіи р. Аксу-Мургабу, на протяженіи верстъ 80, послѣ чего она выходитъ на обширную высокую равнину, извѣстную подъ именемъ Акъ-байталъ («бѣлая кобыла»). Ширина этой равнины такова, что, по разсказамъ туземцевъ, высокіе, ограничивающіе ее хребты невидимы съ середины равнины. По ней протекаетъ большая и широкая рѣка Кара-дарья и проходитъ дорога въ кашгарскія владѣнія и въ Афганистанъ.

Во время моего нахожденія на Памирѣ, подполковникъ корпуса топографовъ Лебедевъ сдѣлалъ полуинструментальную, въ двухверстномъ масштабѣ, съемку пройденнаго пространства. Всего снято имъ на Памирѣ 3,700 кв. верстъ. Мы прошли самую интересную и неизвѣданную часть памирской выси.

Въ заключеніе, сдѣлаю общую характеристику изслѣдованной нами части Памира.

Заалайскій хребетъ, имѣющій видъ стѣны съ убѣленными зубцами, составляетъ сѣверную окраину Памира. За этимъ хребтомъ открывается высокая страна, постепенно повышающаяся къ серединѣ. Эта страна перерѣзана по всѣмъ направленіямъ хребтами, изъ которыхъ одни снѣжные, другіе—безснѣжные, но вообще мало подымающіеся надъ окрестными равнинами и долинами. Равнины, долины или котловины, такъ же какъ и хребты, не имѣютъ опредѣленнаго направленія и, въ большинствѣ случаевъ, нешироки (версты двѣ—три); онѣ зачастую измѣняютъ свое направленіе и даютъ боковыя продолженія. Какъ долины, такъ и бока покатостей хребтовъ голы: на нихъ не только нигдѣ нѣтъ деревьевъ и кустарниковъ, но даже и травы; послѣдняя попадается только узкими полосками и маленькими пятнами вдоль по теченію горныхъ ручьевъ; эта травка, мѣстами, впрочемъ, весьма густая и сочная, и составляетъ пастбище для скота номадовъ. Такъ какъ горы состоятъ изъ мягкихъ породъ, то всѣ перевалы относительно невысоки, некруты и легко переходимы. Ручьи и рѣчки, сбѣгая сравнительно съ невысокихъ горъ, также не составляютъ преграды для движенія. Вообще, пути по Памиру повсемѣстно весьма удобны. Почва либо песчано-каменистая, песчано-глинистая, песчано-солонцеватая, либо, наконецъ, просто солонцеватая. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солонцы недавно высохли, она покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ магнезіи и блеститъ подобно снѣгу. Иногда встрѣчаются мочежины, покрытыя хотя не высокою, но за то густою травою. На мѣстахъ, гдѣ грунтъ способенъ давать отпечатокъ, замѣчаются слѣды животныхъ; такъ, мы

часто замѣчали слѣды дикихъ козъ, зайцевъ, волковъ, лисицъ и оленей. Здѣсь обитали въ непомѣрно большомъ количествѣ дикіе бараны—архары (Ovis Polii), но послѣ мора на нихъ въ 1869 г., они, кажется, всѣ исчезли; по крайней мѣрѣ, такъ должно думать, потому что при обиліи громадныхъ и тяжелыхъ роговъ ихъ, разсѣянныхъ по всему пройденному пространству, нами не только не было усмотрѣно ни одного живаго архара, но даже никто не видѣлъ отпечатка слѣдовъ. Рога находились со скелетомъ головы, но другихъ частей туловища также никто не видѣлъ.

Ни медвѣдей, ни тигровъ, ни дикихъ яковъ нѣтъ на пройденной части Памира (*).

Изъ птицъ здѣсь живутъ орлы, коршуны, вороны, красноносыя галки и множество различныхъ мелкихъ пташекъ.

Не смотря на суровость климата, на Памирѣ кочуютъ номады, приходящіе на лѣто изъ кашгарскихъ, шугнанскихъ, каратегинскихъ и другихъ владѣній. Они ничѣмъ не занимаются, кромѣ скотоводства.

Главнѣйшее неудобство для жизни человѣка здѣсь состоитъ въ суровости климата. Дни лѣтомъ весьма жарки, но ночи холодныя; въ началѣ августа термометръ къ утру понижался до — 5° С. Рѣчка Чонъ-су, на которой я ночевалъ 8-го августа, къ утру замерзла, и слой льду достигалъ до $^1/_4$ дюйма. Нечего и говорить, что зимою морозы здѣсь страшные; они-то и выгоняютъ кочевниковъ на болѣе низменныя долины. Вѣтры здѣсь постоянны; въ различныхъ долинахъ и вѣтры различные. Во время посѣщенія мною острова на Кара-кулѣ, вѣтеръ (сѣверный) дулъ столь жестоко, что положительно захватывалъ дыханіе. Разрѣженная атмосфера также составляетъ одно изъ неудобствъ жизни на Памирѣ, даже лѣтомъ. Однако, разсказы про вредное дѣйствіе разрѣженнаго воздуха нѣсколько преувеличены (**). Нѣтъ сомнѣнія, что у очень полнокровныхъ и особенно у имѣющихъ привычку употреблять спиртные напитки можетъ показываться кровь изъ носу, или же что они падаютъ въ обморокъ; но для большинства вліяніе разрѣженной атмосферы сказывается лишь тѣмъ, что дышется труднѣе, и въ груди, по временамъ, обнаруживается стѣсненіе. Впрочемъ, къ этой атмосферѣ можно привыкнуть. Возвратясь съ Памира на Алай, т. е. спустившись съ 11—12 т. футовъ на $8^1/_2$ тысячъ (на позиціи у Арчи-булака), мы почувствовали значительное облегченіе: казалось, будто часть тяжести свалилась съ плечъ, дыханіе стало ровнѣе и организмъ сдѣлался бодрѣе.

Вообще, Алай съ густою, высокою травою, напоминающею наши родные луга, показался намъ сущимъ раемъ. Почти на всемъ пройденномъ нами пространствѣ Памира, хотя въ небольшомъ количествѣ, кочуютъ каракиргизы, которые, однако, во время нашего движенія всѣ попрятались въ боковыя щели.

Л. Костенко.

14-го августа, Алай.
(Бивакъ на урочищѣ Арчи-булакъ).

Суббота
№ 239

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

30-го Октября
1876

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе ВОЕННАГО СБОРНИКА, вмѣстѣ съ РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ, съ доставкою или пересылкою 10 рублей.

На одинъ ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ, съ доставкою или пересылкою:

Въ Россіи . . . . . 7 р. 50 к.

За границу . . . . . 10 » — »

На мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ПОДПИСКА на газету РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ и журналъ ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, на Надеждинской ул., въ д. № 42; тутъ же принимаются и ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На одинъ РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, съ дост. или перес. въ Россіи:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	7 50	на 9 м.	6 —	на 6 м.	4 80	на 3 м.	3 —
» 11 м.	7 —	» 8 »	5 50	» 5 »	4 —	» 2 »	2 40
» 10 »	6 50	» 7 »	5 —	» 4 »	3 50	» 1 »	1 20

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	13 50	на 9 м.	11 —	на 6 м.	8 —	на 3 м.	5 —
» 11 м.	13 —	« 8 »	10 —	» 5 »	7 —	» 2 »	3 40
» 10 »	12 —	» 7 »	9 —	» 4 »	6 —	» 1 »	1 70

ЦѢНЫ ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, для напечатанія въ РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ, опредѣлены прейсъ-курантомъ. За разсылку объявленій при газетѣ взимается по 4 руб. съ тысячи экземпляровъ.

Подписка на изданія безъ доставки не принимается.

На основаніи циркуляровъ Главнаго Штаба, отъ 8-го февраля 1867 года, за № 40 и отъ 31-го іюля 1869 года, за № 194, казенныя объявленія, доставляемыя отъ войскъ, для напечатанія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», должны быть присылаемы не въ редакцію, а въ Главный Штабъ, съ приложеніемъ причитающихся за напечатаніе денегъ.

ГОДЪ 63-й.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АЛАЙСКІЯ ГОРЫ.

(Кореспонденція «Русскаго Инвалида»).

V (*).

16-го августа часть алайскаго экспедиціоннаго отряда, а именно: конно-стрѣлковый и ракетный дивизіоны были двинуты съ позиціи у Арчи-булака (**) внизъ по р. Кизылъ-су, къ бывшему коканскому укр. Дараутъ-кургану. Небольшой отрядъ этотъ, подъ начальствомъ князя Витгенштейна, все время шелъ по правому берегу Кизылъ-су, вдоль подошвы Алайскаго хребта, нигдѣ не поднимающагося до высоты снѣжной линіи, почему высоту его можно считать приблизительно достигающею 13,000—13,500 футовъ. Противоположный хребетъ—Заалайскій, напротивъ, почти по всему протяженію снѣжный. Во время движенія нашего отряда, хребетъ этотъ, однако, былъ закрытъ с у х и м ъ т у м а н о м ъ (***). Два дня (16-го и 17-го августа), которые были употреблены отрядомъ на передвиженіе отъ Арчи-булака до Дараутъ-кургана (70 верстъ), дулъ сильный вѣтеръ, засыпавшій пескомъ глаза; вѣтеръ дулъ съ запада (это преобладающій вѣтеръ Алайской долины) и начинался около полудня; затѣмъ, позднимъ вечеромъ онъ прекращался. По мѣрѣ приближенія къ Дараутъ-кургану характеръ Алайской долины постепенно измѣняется; долина мало по малу съуживается предгорьями ограничивающихъ ее хребтовъ; травы становятся скуднѣе и грунтъ дѣлается болѣе каменистымъ отъ гальки, спадающей съ горъ. Въ 30 верстахъ, не доходя Дараутъ-кургана, контрфорсъ Алайскаго хребта круто упирается въ самый берегъ рѣки, такъ что дорога пересѣкаетъ этотъ хребетъ и, затѣмъ, нѣсколько верстъ идетъ предгорьями Алайскаго хребта. Масса протоптанныхъ тропинокъ по пути движенія отряда наглядно указывала, что тутъ совершается большое передвиженіе номадовъ.

У Дараутъ-Кургана ложе Кизылъ-су еще болѣе сжато предгорьями хребтовъ, такъ что ширина долины здѣсь (между предгорьями) не болѣе версты. За то здѣсь на луговыхъ пространствахъ узкими полосками, окаймляющими низменное ложе рѣки, появляется въ первый разъ кустарникъ, первенствующее мѣсто занимаетъ ивнякъ и облѣпиха съ своими маленькими оранжеваго цвѣта ягодками, кисловатыми на вкусъ и густо облегающими вѣтви.

Дараутъ курганъ лежитъ на правомъ берегу Кизылъ-су, у самаго выхода въ долину Алая Исфайрамскаго ущелья, по которому протекаетъ рѣчка Дараутъ-су. Это укрѣпленьице,

---

(*) См. «Русскій Инвалидъ» № 235.

(**) См. кореспонденцію отъ 14-го августа. «Русск. Инв.» № 235.

(***) Сухіе туманы явленіе весьма частое въ Коканскихъ горахъ и на Памирѣ. Они происходятъ вслѣдствіе теченія воздуха изъ нижнихъ слоевъ въ верхніе, причемъ подымается тончайшая пыль, застилающая окрестности

въ формѣ четыреугольной зубчатой стѣны съ башнями по угламъ, было весьма недавно построено коканцами, съ цѣлью наблюденія за кочевниками нижняго Алая. Въ укрѣпленіи жилъ датха (важный чинъ у среднеазіятцевъ) съ небольшимъ гарнизономъ. Этотъ датха, вмѣстѣ съ тѣмъ, собиралъ съ номадовъ и зякетъ (одну сороковую голову со скота). Къ выгодѣ расположенія укрѣпленія служило еще и то, что оно командуетъ и долиною р. Тузъ-Алтынъ-дара, впадающей въ Кизылъ-су съ лѣвой стороны, почти противъ самаго кургана. Не смотря, однако, на выгодность мѣстоположенія, гарнизонъ укрѣпленія, вмѣстѣ съ датхою, былъ захваченъ врасплохъ алайскими киргизами и вырѣзанъ до одного человѣка. Это случилось не задолго до вступленія русскихъ въ Ферганскую область.

Отрядъ нашъ расположился на позиціи въ полуверстѣ ниже коканскаго кургана, на правомъ берегу рѣки Кизылъ-су, на высотѣ 7,400 ф. надъ поверхностію моря (*). Къ отряду въ этотъ же день прибылъ и генералъ Скобелевъ.

На другой день (18-го августа) князю Витгенштейну поручено было пройти вдоль р. Тузъ-Алтынъ-дары, съ цѣлью привести къ покорности каракиргизовъ рода ичкиликовъ, не желавшихъ явиться къ начальнику алайскаго отряда во все время нахожденія его на Алаѣ. Князь двинулся съ конно-стрѣлковою полуротою и ракетнымъ дивизіономъ. Съ княземъ предложено было отправиться и мнѣ, для изслѣдованія не извѣданныхъ пространствъ. Путь нашего отряда лежалъ вверхъ по р. Тузъ-Алтынъ-дарѣ, имѣющей общее направленіе отъ юга къ сѣверу (**). Рѣка очерчена хребтами, образующими долину описываемой рѣки. Ширина долины на всемъ ея 40-верстномъ протяженіи вездѣ достаточна и доходитъ до одной—двухъ верстъ; въ нижней же части долина еще шире. Вотъ это-то нижнее теченіе (верстъ на 10—12) и составляетъ особенно удобное мѣсто для обитанія кочевниковъ. Обильныя травы (кипецъ, ковыль и др.) даютъ пропитаніе скоту, а почва (глинистая) позволяетъ заниматься земледѣліемъ. Впрочемъ, здѣсь засѣвается одинъ ячмень, дающій самъ-пятъ урожая. Пшеница не засѣвается, потому что не имѣетъ времени для вызрѣванія, такъ какъ въ августѣ мѣсяцѣ здѣсь уже выпадаетъ снѣгъ (***).

Кочевники, обитающіе по системѣ описываемой рѣки, принадлежатъ къ каракиргизскому роду ичкиликовъ, къ отдѣленіямъ таити и найманов. Они лѣтуютъ въ верхнихъ частяхъ ея теченія. Зимовки (т. е. загороды и лачуги изъ глины) усматриваются въ нижней части Алтынъ-дары довольно часто. Но во время движенія отряда по упомянутой рѣкѣ не было видно ни одной юрты: все попряталось въ боковыя щели и на болѣе высокія долины въ горахъ.

Дорога по Алтынъ-дарѣ идетъ все время правымъ ея берегомъ, хотя сообщеніе и по лѣвому берегу также возможно. Рѣка не глубока и во всякое время года легко проходима въ бродъ. Она придерживается болѣе лѣваго хребта. Вода въ рѣкѣ не имѣетъ того краснаго цвѣта, какой имѣетъ Кизылъ-су, въ которую она впадаетъ. Ограничивающіе долину хребты достигаютъ мѣстами снѣжной линіи. Они голы и скалисты. Тѣмъ не менѣе, они сливаются съ долиною высокими предгорьями, состоящими, какъ и всюду въ Коканскихъ горахъ, изъ насыпныхъ, разрушающихся породъ. Эти-то предгорья, въ видѣ холмовъ, грядъ или контрфорсовъ, по большей части успѣли покрыться травою—раздольемъ кочевниковъ. Изрѣдка они еще полуобнажены или даже совершенно обнажены, и тогда ясно обнаруживается ихъ строеніе, иногда напоминающее собою морены. По вышеупомянутымъ предгорьямъ и проходитъ большая кочевая дорога вдоль Алтынъ-дары. Она почти на всемъ протяженіи весьма удобна, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предгорья весьма круто упираются въ рѣку. Въ такихъ мѣстахъ тропинка виситъ карнизомъ, либо пролегаетъ по крутой покатости надъ рѣкою. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ нашъ отрядъ потерялъ одну лошадь, свалившуюся съ вьюкомъ въ пропасть.

Однако, предгорья праваго (восточнаго) хребта, все-таки, положе предгорій лѣваго, такъ что правый берегъ рѣки даетъ больше простора для кочевокъ, чѣмъ лѣвый. Масса тропинокъ по правому берегу свидѣтельствуетъ о томъ огромномъ количествѣ людей и животныхъ, какое проходитъ здѣсь. Тропинки изрѣдка спускаются къ самому руслу рѣки, которое на всемъ протяженіи очень узко и всюду состоитъ изъ болѣе или менѣе крупной гальки. Галька и камни иногда попадаются и въ сторонѣ, вдоль дороги, особенно въ верхнихъ частяхъ рѣки.

Верховье описываемой рѣки представляетъ замѣчательный феноменъ въ томъ отношеніи, что составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, истокъ и другой рѣки, текущей въ діаметрально противоположную сторону. Ручеекъ Терсъ-агаръ, ниспадая съ снѣговой вершины въ лѣвомъ (западномъ) хребтѣ, у подошвы раздѣляется на двѣ части: одна течетъ на сѣверъ и образуетъ описанную выше рѣку Тузъ-Алтынъ-дару, а другая—прямо на югъ и, сохраняя названіе Терсъ-агаръ, достигаетъ большой горной рѣки Мукъ-су. Такимъ образомъ ущелье, равно какъ и истокъ двухъ упомянутыхъ рѣкъ общіе. Пе-

(*) У Федченко высота показана въ 8,300.

(**) Названіе «Тузъ» рѣка получила отъ мѣсторожденія каменной соли, добываемой на горѣ, верстахъ въ 10 выше устья рѣки.

(***) Пшеница въ крайне ограниченномъ количествѣ засѣвается по Кизылъ-су, близъ Дараутъ-кургана.

ревалъ почти незамѣтенъ для глаза. Абсолютная высота его равняется 9,700 футамъ надъ поверхностью моря (*).

Нашъ отрядъ въ этотъ день расположили на позиціи на самомъ перевалѣ. Густой туманъ, холодъ и сырость дѣлали ночлегъ не весьма пріятнымъ.

19-го августа отрядъ былъ поднятъ до восхода солнца. Князь Витгенштейнъ, въ исполненіе даннаго ему предложенія, задумалъ сдѣлать набѣгъ въ откочевавшіе аулы номадовъ, не желавшіе признавать нашей власти. Съ этою цѣлью онъ раздѣлилъ отрядъ на нѣсколько частей, которыя и разослалъ въ разныя стороны, приказавъ забирать весь скотъ, который будетъ найденъ у непокорныхъ кочевниковъ. Мнѣ же, съ восемью конными стрѣлками и четырьмя казаками, предложено было пройти впередъ и обрекогносцировать мѣстность на разстояніи, какое мною признано будетъ возможнымъ. Со мною отправился и корпуса топографовъ поручикъ Жилинъ, для производства топографической съемки.

Въ 6 час. утра, т. е. какъ только можно было начать дѣлать съемку, я направился внизъ по теченію р. Терсъ-агаръ, характеръ долины которой отличается отъ характера долины Алтынъ-дарьи только тѣмъ, что предгорья и контрфорсы хребта образуютъ гладкое дно, по серединѣ котораго, въ плоскихъ берегахъ, узенькою лентою и пробѣгаетъ упомянутый ручей Терсъ-агаръ.

Пройдя около пяти вёрстъ по слегка понижающемуся ущелью, ручей круто упадаетъ въ глубокую, рѣзко очерченную долину большой рѣки Мукъ-су. Видъ на долину Мукъ-су и громадный снѣговой хребетъ, ограничивающій ее съ южной стороны, одинъ изъ самыхъ красивыхъ и грандіозныхъ. Какъ бы по манію волшебства, передъ взоромъ зрителя сразу возникаетъ глубокая впадина въ родѣ исполинскаго корыта съ гладкимъ и плоскимъ дномъ, покрытымъ галькою, дномъ, по которому массою протоковъ и рукавовъ катится упомянутая выше рѣка. Корыто образовано высокими, скалистыми, круто подымающимися хребтами, изъ которыхъ южный берегъ былъ покрытъ снѣгомъ почти на двѣ трети своей высоты. На этомъ хребтѣ (туземное названіе Гоу) вырѣзывается нѣсколько пиковъ, изъ которыхъ одинъ достигаетъ высоты, по крайней мѣрѣ, 25,000 фут. Съ высоты этого хребта ниспадаютъ два ледника, круто опускающихся ко дну долины. Изъ подъ ледниковъ, подобно молочнымъ жилкамъ, ниспадаетъ по ручейку (**).

(*) До сихъ поръ высоты измѣрялись переноснымъ барометромъ Паррота; въ эту же экспедицію я измѣрялъ высоты посредствомъ тщательно вывѣреннаго анероида. Такъ какъ на обратномъ пути этотъ анероидъ давалъ тѣже самыя цифры, то я имѣю полное право заключить, что полученные мною результаты нивелировки анероидомъ вѣрны.

(**) Изъ подъ ледниковъ всегда вытекаютъ ручьи, имѣющіе молочный цвѣтъ.

Третій ледникъ спускается съ короткаго хребта, очерчивающаго долину съ восточной стороны.

Сѣверный хребетъ имѣетъ высоты около 14—15 тыс. фут., такъ какъ онъ покрытъ снѣгомъ только мѣстами. Этотъ хребетъ нѣсколько положе южнаго, такъ что въ осыпавшейся покатости его протоптана тропинка, по которой я и спустился на дно долины Мукъ-су. Сѣверный край долины, откуда начинаетъ спускаться дорожка внизъ, лежитъ на высотѣ 9,500 футовъ надъ поверхностью моря. Дорожка идетъ крутыми зигзагами между крупныхъ камней, лежащихъ по осыпи. Длина дорожки четыре верты. Кой-гдѣ по покатости попадается растительность, главнымъ представителемъ которой является арча (древовидный можжевельникъ), а также усматривается нѣсколько жиденькихъ березокъ. Внизу спуска, тамъ гдѣ тропинка выходитъ къ рѣкѣ, на невысокомъ холмѣ, красуются двѣ могилы мусульманскихъ святыхъ. Эти могилы устроены по общему типу мусульманскихъ памятниковъ и убраны цѣлымъ лѣсомъ туговъ (шесты съ привязанными къ нимъ конскими хвостами). Памятники называются Алтынъ-мазаръ (золотыми могилами) на томъ основаніи, что въ одномъ изъ нихъ, будто бы, хранилось золото, но золото это, по объясненію туземнаго разсказчика, давнымъ давно унесено кѣмъ-то.

Плоское и широкое дно долины Мукъ-су не сплошь покрыто галькою. У подошвы сѣвернаго хребта лежатъ полоски земли, покрытыя рощицами, состоящими изъ ивняка, облѣпихи, шиповника и другихъ кустарниковъ. Эти рощицы орошаются либо родниками, либо заливнями Мукъ-су, либо ручьями, спадающими съ горъ, и называются тугаями. Такіе тугаи тянутся вереницею, на разстояніи полу-одной версты одинъ отъ другаго, по сѣверной подошвѣ корыта Мукъ-су. Они-то и составляютъ надежное и привольное пристанище для кара-киргизовъ (рода ичкиликовъ). Я проѣхалъ внизъ по рѣкѣ версты три и видѣлъ свѣжіе слѣды номадовъ, которые скрылись по направленію къ Каратегину, узнавъ о приближеніи русскихъ.

Мукъ-су очень многоводна и непроходима въ бродъ. За начало рѣки можно принять то мѣсто, гдѣ я вышелъ въ ея долину. Здѣсь она составляется изъ сліянія нѣсколькихъ рѣчекъ, а именно: Сель-сая, наиболѣе многоводнаго истока, прободающаго описанный выше южный хребетъ (Гоу) и текущаго въ сѣверо-западномъ направленіи; рѣчки Коинды, текущей въ западномъ направленіи; Суокъ-сая, впадающаго въ Мукъ-су по направленію на юго-западъ, и, наконецъ, изъ упомянутаго выше ручья Терсъ-агара, вливающагося съ сѣвера. Всѣ упомянутыя рѣчки были въ состояніи образовать столь глубокую и внушительную долину р. Мукъ-су, общее направленіе которой идетъ отъ востока къ западу съ легкимъ уклономъ (5°) къ югу.

Долина Мукъ-су сохраняетъ описанный характеръ верстъ на 40 до тугая Хожай-таобъ, послѣ чего она съуживается горами, и дорога уже идетъ по горамъ. Здѣсь тропинка столь загромождена крупными каменьями, что, по сказанію туземцевъ, конные не могутъ слѣдовать по ней. Затѣмъ, рѣка входитъ въ Каратегинскія владѣнія, гдѣ и сливается съ Кизылъ-су, образуя одну большую рѣку Сурхъ-абъ, достигающую Аму-дарьи.

Мнѣ первому изъ европейцевъ удалось видѣть начало Мукъ-су. Характеры долинъ Кизылъ-су и Мукъ-су діаметрально противоположны. Первая гораздо длиннѣе и вплоть до Каратегинскихъ владѣній течетъ по широкой долинѣ, достигающей 20 верстъ ширины, покрытой сплошь травами; рѣка эта не глубока и до Дараутъ-кургана (на протяженіи болѣе ста верстъ) вездѣ проходима въ бродъ. Цвѣтъ воды ея красный отъ растворенія красной глины, по которой она течетъ. Мукъ-су, наоборотъ, гораздо короче, но за то многоводнѣе, такъ что она не переходима въ бродъ. Долина ея гораздо уже (версты двѣ ширины) и ограничена дикими, почти отвѣсными хребтами; дно долины по большей части состоитъ изъ гальки; цвѣтъ воды бѣлый, молочный, отъ растворенія извести. Дно долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я вошелъ въ нее, лежитъ на высотѣ 8,100 футъ надъ поверхностью моря.

На основаніи сказаннаго трудно опредѣлить, которую изъ двухъ описываемыхъ рѣкъ надо принять за начало Сурхъ-аба. Казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ считать и Кизылъ-су и Мукъ-су за два истока, изъ которыхъ, по соединеніи ихъ въ Каратегинскихъ владѣніяхъ, и составляется большая рѣка, достигающая Аму-дарьи.

Обрекогносцировавъ верхнее теченіе Мукъ-су, я возвратился назадъ къ урочищу Джялгызъ, верстахъ въ 20 отъ Дараутъ-кургана, гдѣ должны были соединиться всѣ части нашей колонны. Къ вечеру, весь отрядъ нашъ, дѣйствительно, собрался, причемъ было пригнано множество различнаго скота. Едва всѣ части нашего отряда соединились, какъ сталъ накрапывать дождь, который вскорѣ обратился въ снѣгъ. Снѣгъ шелъ цѣлую ночь и покрылъ землю почти на четверть аршина. Къ утру снѣгъ прекратился, а взошедшее солнце мало по мало растопило его.

Отрядъ нашъ въ этотъ день (20-го августа) возвратился къ Дараутъ-кургану, гдѣ, вмѣсто снѣга, ночью шелъ проливной дождь.

Л. Костенко.

22-го августа. Нижній-Алай.
(Бивакъ у Дараутъ-кургана,
на р. Кизылъ-су).

(Продолженіе будетъ).

Пятница
№ 250

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

12-го Ноября
1876

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годовое изданіе **ВОЕННАГО СБОРНИКА**, вмѣстѣ съ **РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ**, съ доставкою или пересылкою **10 рублей.**

На одинъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ**, съ доставкою или пересылкою:

Въ Россіи . . . . . **7 р. 50 к.**

За границу . . . . . **10 » — »**

На мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На одинъ **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ**, съ дост. или перес. **въ Россіи:**

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	7 50	на 9 м.	6 —	на 6 м.	4 80	на 3 м.	3 —
» 11 м.	7 —	» 8 »	5 50	» 5 »	4 —	» 2 »	2 40
» 10 »	6 50	» 7 »	5 —	» 4 »	3 50	» 1 »	1 20

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.
На годъ	13 50	на 9 м.	11 —	на 6 м.	8 —	на 3 м.	5 —
» 11 м.	13 —	» 8 »	10 —	» 5 »	7 —	» 2 »	3 40
» 10 »	12 —	» 7 »	9 —	» 4 »	6 —	» 1 »	1 70

ПОДПИСКА на газету **РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ** и журналъ **ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ** принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, на Надеждинской ул., въ д. № 42; тутъ же принимаются и ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ.

ЦѢНЫ ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, для напечатанія въ **РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ**, опредѣлены прейсъ-курантомъ. За разсылку объявленій при газетѣ взимается по **4 руб.** съ тысячи экземпляровъ.

Подписка на изданія безъ доставки не принимается.

На основаніи циркуляровъ Главнаго Штаба, отъ 8-го февраля 1867 года, за № 40 и отъ 31-го іюля 1869 года, за № 194, казенныя объявленія, доставляемыя отъ войскъ, для напечатанія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ», должны быть присылаемы не въ редакцію, а въ Главный Штабъ, съ приложеніемъ причитающихся за напечатаніе денегъ.

ГОДЪ 63-й.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АЛАЙСКІЯ ГОРЫ.

(Корреспонденція «Русскаго Инвалида»).

(Окончаніе).

VII (*).

Къ концу августа собственно алайскій вопросъ можно было считать оконченнымъ и цѣль экспедиціи на Алай достигнутою. Вслѣдствіе этого, начальникъ отряда приказалъ части войскъ алайскаго отряда (три роты пѣхоты, конные стрѣлки, взводъ горныхъ орудій и ракетная батарея) выступить съ позиціи у Большаго Карамука и направиться въ Коканъ. На Карамукѣ же оставленъ на нѣкоторое время небольшой отрядъ съ тою цѣлью, чтобы не дать возможности образоваться новымъ шайкамъ; вслѣдствіе поздняго времени года, киргизы недѣли черезъ двѣ должны были окончательно сойдти съ Алая въ болѣе низменныя мѣста, т. е. вступить въ сферу прямаго и непосредственнаго надъ ними надзора.

Выступившіе въ Коканъ, 28-го августа, части войскъ были направлены съ позиціи у Карамука на перевалъ Караказыкъ и далѣе на Шахимарданъ и Вадиль. 29-го августа выступилъ со штабомъ и начальникъ отряда. Я, вмѣстѣ съ геодезистомъ Бонсдорфомъ и чинами корпуса топографовъ, выступилъ также въ этотъ день и направился по той же дорогѣ, по которой прошелъ наканунѣ отрядъ, возвращавшійся въ Коканъ.

Кратчайшій и болѣе удобнѣйшій путь отъ Карамука до Кокана пролегаетъ по рѣкѣ Кокъ-су (правый притокъ Кизылъ-су). Для того же, чтобы попасть въ долину этой рѣки изъ Карамука необходимо перевалить невысокій хребетъ Гурунду, составляющій отрогъ главнаго алайскаго хребта, отрогъ, окаймляющій долину Кокъ-су справа. Кратчайшее разстояніе отъ Большаго Карамука до долины Кокъ-су, черезъ перевалъ Гурунду, равняется 19 верстамъ, изъ которыхъ 10 верстъ подъема и 9 спуска. Дорога идетъ сперва по возвышенному (терасою) берегу Кизылъ-су, покрытому полями пшеницы и ячменя, и затѣмъ входитъ въ довольно широкое ущелье Дженике, образованное небольшимъ ручьемъ того же имени, ниспадающимъ въ Кизылъ-су справа. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ по дну ущелья тянется цѣпь киргизскихъ зимовокъ. Не смотря на бѣдность и невзрачность построекъ этихъ зимовокъ, видъ долины, въ которой замѣтно присутствіе жизни человѣка, въ достаточной степени очаровываетъ глазъ. Мнѣ въ первый разъ приходилось видѣть столь значительное скопленіе киргизскихъ лачугъ въ одномъ мѣстѣ. Жалкія лачуги скрашиваются полями пшеницы, ячменя и люцерны (дженушки), засѣваемыми возлѣ нихъ. При нѣкоторыхъ же лачугахъ виднѣются даже по два, по три деревца (талъ и тополь), назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы давать владѣльцу строительный матеріалъ, какъ-то: жерди для потолковъ, косяки для дверей и пр. Достаточно заглянуть во внутрь любой изъ упомянутыхъ лачугъ, чтобы ужаснуться бѣдности и мизерности киргизскаго жилья: можно думать, что эти жилища предназначены для скота, а не для человѣка. Тѣмъ не менѣе, одинъ наружный взглядъ на киргизскую деревушку производитъ все таки весьма отрадное впечатлѣніе. Объясненіе этому чувству кроется, какъ кажется, въ томъ, что тутъ видишь попытку человѣка перейти отъ бродячаго быта къ осѣдлому. Кочевой бытъ имѣетъ столько неудобствъ, что всякая попытка номада соорудить себѣ нѣчто въ родѣ дома, заставляетъ вчужѣ радоваться за него. Походная жизнь, такъ же какъ и жизнь путешественника, особенно способствуетъ проявленію этого чувства. Скитаясь полтора мѣсяца по Алаю и Памиру и находя пріютъ только въ палаткѣ, я чувствовалъ себя необыкновенно хорошо, когда, придя на позицію у Дараутъ-кургана, я имѣлъ возможность, въ теченіе двухъ — трехъ дней, помѣститься въ юртѣ. Юрта, это уже большой шагъ въ развитіи цивилизаціи человѣка; въ юртѣ и теплѣе, и просторнѣе; въ ней даже можно развести огонь, что въ палаткѣ не мыслимо. И на сколько юрта удобнѣе палатки, на-

(*) См. «Русскій Инвалидъ» №№ 206, 211, 229, 235, 239 и 244.

столько даже плохой домъ удобнѣе юрты. Изъ сказаннаго понятно, почему видъ киргизскаго кишлака, послѣ пройденныхъ пространствъ, гдѣ не было никакого намека на человѣческое жилье, производилъ такое пріятное впечатлѣніе.

Перевалъ черезъ хребетъ Гуруниу не труденъ; хребетъ этотъ мягкій и некрутой. Вершина перевала лежитъ на высотѣ 9,509 футовъ. Спускъ съ перевала также удобный, но, затѣмъ, осыпавшіеся съ вершинъ скалистыхъ горъ камни засыпали дно ущелья, вслѣдствіе чего дорога проходитъ по грядамъ изъ насыпнаго камня. Ручей, впадающій въ Кокъ-су, исчезаетъ подъ этими грядами и только близъ устья снова обнаруживается на поверхности.

Долина Кокъ-су у мѣста выхода упомянутаго ручья широка и привольна; но дальше, вверхъ по рѣкѣ, она съуживается. Дорога вскорѣ, по висячему мостику, переходитъ на лѣвый берегъ и затѣмъ уже все время идетъ этимъ послѣднимъ; она то и приводитъ къ одному изъ главныхъ переваловъ (Кара-казыкъ) въ алайскомъ хребтѣ. Особую характеристику ущелья Кокъ-су составляютъ скалистые гребни окаймляющихъ хребтовъ. Каменные скаты горъ зачастую совершенно отвѣсны, а вершины образуютъ острыя пики, либо гребни. Тѣмъ не менѣе, мѣстами скалистыя покатости сливаются съ насыпными предгорьями, по которымъ растетъ арчевый лѣсъ. Лѣсъ этотъ иногда довольно густъ, но нигдѣ не достигаетъ большой высоты. Стволы здѣшняго можевельника (арча—juniperus pseudo sabinus) корявы, искривлены и часто ползаютъ по землѣ.

Пройдя верстъ 30 вверхъ по ущелью, мы остановились на ночлегъ у подошвы перевала Кара-казыкъ, тамъ, гдѣ рѣчка того же имени, ниспадая съ вершины перевала, вливается въ Кокъ-су. Здѣсь, на высотѣ 9,500 футовъ, уже прекращается всякая растительность, такъ что не только предгорья хребтовъ, но даже дно ущелья совершенно обнажены.

На другой день, 30-го августа, въ 8 часовъ утра, я двинулся къ перевалу Кара-казыкъ. Разстояніе отъ подошвы до гребня 12 верстъ. Тропинка почти все время идетъ по насыпнымъ грядамъ камней, отторженцевъ отъ скалъ, образующихъ ущелье ручья Кара-казыкъ. Скалы эти чрезвычайно круты и грандіозны. Мѣстами онѣ нависаютъ надъ головою. Ручей съ шумомъ и ревомъ проносится по каменнымъ глыбамъ, тщетно стремящимся загородить его бѣгъ. Близъ устья онъ ниспадаетъ живописными каскадами. Чѣмъ дальше вверхъ по ручью, тѣмъ картина становится диче и грандіознѣе. Каменныя ребра горъ круче и пики острѣе. Однакоже, дорожка нигдѣ не проходитъ опасными карнизами, такъ какъ она протоптана по осыпямъ разрушившихся породъ. Версты за три до гребня перевала начинается весьма крутой подъемъ на главную или магистральную гряду. Здѣсь дорожка проложена крутыми извилинами. Когда я двигался черезъ этотъ перевалъ, онъ уже былъ занесенъ снѣгомъ, который виднѣлся на пространствѣ версты на три-четыре ниже гребня. Свѣтъ, отраженный солнцемъ отъ снѣга, дѣйствовалъ чрезвычайно ослѣпительно на глаза. Лошадь моя скользила по сдавленному снѣгу, но, тѣмъ не менѣе, я имѣлъ возможность выбраться на верхъ не слѣзая съ нея. Для вьючныхъ же, равно какъ и для слабыхъ лошадей, перевалъ этотъ невполнѣ безопасенъ: нѣсколько сорвавшихся лошадей лежало въ пропасти, что доказывало, что перевалъ этотъ нельзя назвать легкимъ. Гребень перевала находится на высотѣ 12,600 фут. Онъ очень узокъ и походитъ на стѣнку около аршина ширины. Онъ образованъ небольшимъ прорывомъ (сажень 5—6) между невысокими скалистыми пиками, растрескавшимися и образовавшими видъ гребенки.

Вѣроятно, такую же форму имѣетъ и гребень другого перевала, лежащаго въ Алайскомъ хребтѣ западнѣе и называемаго Тараком̀ъ, что собственно въ переводѣ и значитъ гребенка (*). Названіе же «Кара-казыка» описываемый перевалъ получилъ отъ высокаго пика, виднѣющагося съ перевала влѣво и до нѣкоторой степени похожаго на «колъ», (казыкъ), такъ что Кара-казыкъ въ переводѣ значитъ «черный колъ». Видъ съ перевала поражаетъ своею дикостью и грандіозностью: массы скалистыхъ грядъ и пиковъ тѣснятся въ безпорядкѣ, образуя красивую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то страшно-хаотическую панораму. Часть этихъ грядъ и пиковъ, точно саваномъ, была заволочена снѣгомъ, ослѣпительно сверкавшимъ при солнечномъ блескѣ; другая же часть, расположенная къ сѣверу была еще обнажена отъ снѣга и отливала сѣрымъ или бурымъ оттѣнкомъ.

Спускъ съ перевала еще круче, чѣмъ подъемъ, вслѣдствіе чего тропинка дѣлаетъ повороты еще болѣе частые. И лошади, и люди здѣсь скользятъ и падаютъ; всаднику здѣсь благоразумнѣе спѣшиться. Длина спуска около двухъ верстъ; затѣмъ, дорога идетъ еще версты три по огромнымъ буграмъ, насыпаннымъ изъ крупнаго и мелкаго камня. Изъ подъ послѣдняго насыпнаго бугра сразу вытекаетъ уже достаточно обильный ручей, образующій впослѣдствіи рѣчку Шахимарданъ. Характеръ ущелья, образуемаго этой рѣчкой, напоминаетъ характеръ русла Кокъ-су, описаннаго выше. Щеки ущелья состоятъ изъ отвѣсныхъ скалистыхъ грядъ, обрамленныхъ мягкими насыпными предгорьями, по которымъ въ верхней части растетъ арчевый лѣсъ. Лѣсъ этотъ тянется

(*) Черезъ этотъ перевалъ идетъ кратчайшая дорога изъ долины Ферганы въ Гармъ (въ Каратегинскихъ предѣлахъ). Однако, этотъ перевалъ очень труденъ.

верстъ на десять; онъ довольно густъ, но невысокъ. Длинные, искривленные корни часто ползаютъ надъ поверхностью земли, какъ бы ища мѣста, за чтобы ухватиться. За полосою арчи слѣдуетъ полоса лиственныхъ породъ: березы, ивняка, барбариса, рябины и другихъ кустарниковъ. Всѣ эти породы полудеревьевъ и полукустарниковъ тянутся, впрочемъ, лишь узкою лентою вдоль самого русла рѣки. Береза здѣсь очень жидка и далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какихъ она достигаетъ въ Европейской Россіи.

Тропа идетъ въ верхней половинѣ ущелья правымъ берегомъ рѣки, затѣмъ, она нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой, а иногда пролегаетъ по самому ложу рѣки. Дорожка эта можетъ назваться удобною лишь въ верхней части ущелья. Затѣмъ, она почти все время идетъ либо по крутымъ осыпямъ, либо узкими карнизами, либо балкончиками.

Желая добраться до ночлега въ первую деревушку Шахимарданъ, до которой отъ перевала считается 45 верстъ, я долженъ былъ ѣхать какъ можно быстрѣе, изъ опасенія быть застигнутымъ ночью въ ущельи. Къ вечеру я поѣхалъ крупной рысью, не разбирая ни карнизовъ, ни балконовъ. Горы стали обнажаться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понижаться; ущелье сдѣлалось шире и дорожка менѣе опасною. До деревушки оставалось еще верстъ десять, когда сгустившаяся темнота совершенно покрыла окрестность. Пришлось испытать новое ощущеніе: путешествіе въ горахъ въ темную ночь. Ночью, какъ извѣстно, всѣ покатости кажутся гораздо круче, пропасти глубже и скалы выше. Затрудненіе увеличилось еще болѣе вслѣдствіе того, что звѣзды были заволочены облаками. Управлять лошадью оказалось затруднительно, и я попробовалъ было положиться на ея инстинктъ; однако оказалось, что инстинктъ животнаго вполнѣ довѣриться нельзя. Лошадь моя, выйдя на поляну, взяла въ сторону и совершенно уклонилась отъ настоящей тропинки. Наконецъ, тропинка была розыскана, и я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ походныхъ спутниковъ, часовъ около 11-ти достигъ желаемаго кишлака (деревушки), гдѣ и остановился до утра, въ туземной чайной лавкѣ-гостинницѣ (чай-ханѣ).

Шахимарданъ славится своимъ мѣстоположеніемъ. Эта небольшая деревушка пріютилась, если можно такъ выразиться, въ узлѣ нѣсколькихъ ущелій, вслѣдствіе чего открывающаяся взору панорама если не очень высокихъ, то достаточно крутыхъ, горъ весьма живописна. Картина особенно оживляется деревушками, полями и садами, расположенными тамъ и сямъ по дну рѣки и на мягкихъ покатостяхъ ущелій. Видъ настоящаго осѣдлаго пункта, потонувшаго въ массѣ садовъ, надъ которыми, подобно зеленымъ колоннамъ, стройно возвышаются тополи, прячущіе свои вершины въ облакахъ, произвелъ на меня, по истинѣ, отрадное впечатлѣніе, послѣ пройденныхъ пустыхъ, печальныхъ пространствъ, населенныхъ исключительно одними номадами. Я испытывалъ чувство подобное тому, какое испытываетъ морякъ, долго плававшій по морю и, наконецъ, достигшій мирной пристани.

Лучшимъ украшеніемъ упомянутой деревушки служитъ мечеть и гробница святаго, по имени котораго и называется сама деревушка.

Шахимарданъ въ переводѣ съ персидскаго значитъ «царь мужей» (шахъ-и-марданъ). Подъ этимъ именемъ скрывается, по увѣренію мѣстныхъ мулъ, самъ Али, зять великаго пророка, четвертый калифъ мусульманъ. По словамъ этихъ же муллъ, святой похороненъ тысячу лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно, по одному этому факту обнаруживается сомнительность въ подлинности здѣшней гробницы Али. Впрочемъ и сами муллы заявляютъ, что гробницы упомянутаго мусульманскаго святаго находятся въ семи мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, Шахимарданъ считается самымъ популярнѣйшимъ святымъ во всемъ бывшемъ Коканскомъ ханствѣ. Это верховный покровитель Ферганы, то же, что Бэгоуеддинъ для Бухарскаго ханства и Полванъ-ата для Хивинскаго. Массы молельщиковъ постоянно приходятъ сюда, принося посильную ленту въ кассу муллъ, постоянно живущихъ при гробницѣ.

Гробница чрезвычайно живописно расположена на высокой терасѣ хребта и выходитъ переднимъ фасадомъ къ краю покатости. При гробницѣ есть мечеть и хотя небольшой, но тѣнистый садъ изъ величественныхъ тополей и карагачей. По окраинѣ сада, расположены кельи, въ которыхъ живутъ муллы. Самая гробница святаго помѣщается въ небольшомъ зданіи, образующемъ монументъ, построенный по типу среднеазіятскихъ мусульманскихъ монументовъ. Это зданіе въ формѣ параллелопипеда съ фронтономъ, представляющимъ стѣну, возвышающуюся надъ зданіемъ и фланкированную двумя колонками, въ формѣ башенокъ. По серединѣ стѣны сдѣлана ниша съ грушевиднымъ сводомъ. Въ этой то нишѣ и продѣлана деревянная, украшенная затѣйливою рѣзьбою двустворчатая дверь. Въ верху ниши, надъ дверями, начертана крупная надпись по арабски: «Аллахъ, Магометъ, Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ, Али», Этою надписью сразу опредѣляется, что сюда шіитъ-да не входитъ. Подъ надписью нарисованы красками изображенія различныхъ священныхъ мѣстъ въ Мекѣ и Мединѣ, изображенія, находящіяся почти во всѣхъ мусульманскихъ мечетяхъ Средней Азіи. Передъ входомъ во внутрь зданія высится нѣсколько туговъ, т. е. высокихъ деревянныхъ шестовъ съ мѣдными наконечниками и лошадиными либо яковыми хвостами (*).

(*) Иногда привѣшивается еще кусокъ ткани, въ родѣ флюгера.

Наружная дверь вводитъ въ первую, небольшую, но достаточно высокую комнату, освѣщенную двумя стрѣльчатыми окнами, забранными рѣзными рѣшетками. На окнахъ лежатъ рога барановъ и козъ, составляющіе существенное украшеніе этой комнаты. Слѣдующая затѣмъ комната такихъ же размѣровъ, какъ и предыдущая, перегорожена вдоль деревянною рѣшеткою, поверхъ которой еще спускается цвѣтная драпировка, совершенно закрывающая «могилу святого». Эта драпировка подымается лишь въ особенно рѣдкихъ случаяхъ, а именно, когда щедроты молельщиковъ выражаются въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ. Могила, однако, вовсе не блещетъ великолѣпіемъ: это простой глиняный паралелопипедъ, возвышающійся надъ землею на аршинъ или около того. По сю сторону рѣшетки, по серединѣ комнаты, красуются доспѣхи славнаго витязя: его бунчукъ, знамя, палица. Тутъ же подвѣшено и нѣсколько страусовыхъ яицъ, принесенныхъ благочестивыми пилигримами (ходжами) изъ Меки. Сверху спускается мѣдное почернѣвшее отъ времени паникадило туземной фабрикаціи. Паникадило, впрочемъ, безъ свѣчей. Ночью же освѣщеніе производится обычнымъ туземнымъ способомъ, посредствомъ чугунныхъ свѣтильныхъ снарядовъ, въ которые наливается кунжутное масло и бросается фитиль. Обстановка этой комнаты самая мизерная и, какъ видно, сами священнослужители не особенно проникаются благоговѣніемъ къ святому мѣсту: такъ, тутъ же въ углу свалены вилы, лопаты и другія орудія туземнаго садоводства. Тѣмъ не менѣе, святость ц а р я-м у ж е й не только привлекаетъ массу паломниковъ, щедро поддерживающихъ благосостояніе муллъ, живущихъ при гробницѣ, но даже держитъ въ крѣпостной зависимости всю еревушку, платящую подати исключительно въ пользу ме-

чети (*). До прихода русскихъ, взносы въ кассу мечети Шахимардана были не въ примѣръ обильнѣе, и число состоявшихъ при ней муллъ было весьма велико; нынѣ же религіозное рвеніе крѣпостныхъ плательщиковъ охладѣло, почему и число служителей мусульманской святыни значительно уменьшилось.

Что касается до происхожденія описываемой гробницы, то мнѣ пришлось слышать на мѣстѣ слѣдующую легенду. По объясненію мѣстныхъ муллъ, Али, зять пророка, послѣ своей смерти не былъ похороненъ, но тѣло его было возложено на бѣлаго верблюда, котораго пустили идти на всѣ четыре стороны. Вскорѣ верблюдъ удалился неизвѣстно куда. Прошло много времени послѣ этого событія, когда на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ красуется гробница Шахимардана, случилось такое происшествіе. Дѣти, играя, устраивали изъ земли насыпи, и каждый разъ, когда они взрывали землю, появлялся бѣлый верблюдъ, который и разрушалъ работу дѣтей, сравнивая вырытую землю. Такое чудесное событіе не могло не повліять на окрестное населеніе. Ученые мужи открыли свои книги, въ которыхъ говорилось про бѣлаго верблюда, понесшаго прахъ великаго богатыря, и гдѣ объяснялось, вмѣстѣ съ тѣмъ, что верблюдъ этотъ остановится на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ горъ и двухъ водъ, и что здѣсь то и будетъ преданъ землѣ прахъ Али. Такъ какъ мѣсто, гдѣ появился бѣлый верблюдъ, дѣйствительно отвѣчало показанію мудрыхъ книгъ, то и было рѣшено, что тутъ должна находиться могила Али. Мно-

(*) Земли, оплачивающія подати мечетямъ, называются въ Средней Азіи вакуфными. Онѣ ничего не платятъ правительству и потому считаются обѣленными (хурухалисъ).

жество чудесъ, совершенныхъ на указанномъ мѣстѣ, подтвердили правовѣрнымъ справедливость ихъ догадки, послѣ чего мѣсто погребенія Али для жителей долины Ферганы сдѣлалось уже несомнѣннымъ.

Мѣстные муллы объяснили мнѣ, что монументъ, или зданіе надъ гробницею, было разрушено лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ страшнымъ землетрясеніемъ, послѣ чего оно возобновлено.

Сдѣлавъ дневку въ Шахимарданѣ, я на другой день (1-го сентября) направился въ Вадиль. Дорога продолжаетъ идти по ущелью Шахимарданъ все время лѣвымъ берегомъ рѣки. Горы значительно понижаются, и ущелье имѣетъ вполнѣ достаточную ширину. Начиная отъ Шахимардана, почти вплоть до Вадиля (24 версты) по дну ущелья тянется цѣпь хуторковъ съ пашнями и садами. Небольшой перерывъ хуторковъ замѣчается только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вадиля, гдѣ скалистыя горы сжимаютъ ущелье и гдѣ дорога вырублена широкимъ карнизомъ въ скалѣ. Дорога на всемъ протяженіи арбяная. У Вадиля горы понижаются еще болѣе и ущелье оканчивается, такъ что упомянутый пунктъ запираетъ входъ въ него.

Вадиль лежитъ уже въ долинѣ Ферганы и составляетъ первый большой населенный пунктъ, если ѣхать изъ Алая. Этотъ пунктъ лежитъ на высотѣ 3,000 футовъ и совершенно утопаетъ въ роскошной тѣни своихъ садовъ. Вадиль въ настоящее время составляетъ центръ одного изъ уѣздовъ (Чеміоновскаго), на которые разбита вновь присоединенная къ имперіи Ферганская область.

Л. Костенко.

Вадиль, 3-го сентября.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1328

1-Й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣс.—2 р. 80 к.; на 1 мѣс. 1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 р.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и кн. маг. „Букинистъ“.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются на Иканской ул., рядомъ съ домомъ доктора Эрена.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9½ до 11 час. утра.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчіи съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 коп., два раза—по 9 к. за строчку, свыше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и политипажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по ½ коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

11 (23) декабря 1894 г. ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ. № 90.

Изъ воспоминаній о походѣ на Алай въ 1892 г.

Я долженъ оговориться, что въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ о пребываніи на Алаѣ въ теченіе лѣта 1892 года, я не претендую ни на литературныя достоинства моихъ замѣтокъ, ни на обиліе или особую цѣнность сообщаемыхъ мною фактовъ. Единственными побужденіями, руководившими мною въ данномъ случаѣ, были, во-первыхъ, давно уже данное редактору *Туркестанскихъ Вѣдомостей* обѣщаніе сообщить объ участіи моемъ и ввѣренныхъ мнѣ людей въ Памирской экспедиціи что нибудь такое, чего не было бы уже напечатано въ другихъ изданіяхъ, а, во-вторыхъ, предположеніе, что, быть можетъ, кое-что изъ предназначеннаго вниманію читателей матеріала представитъ для нихъ нѣкоторый интересъ въ томъ или другомъ отношеніи.

По приказанію Командующаго войсками округа телеграфная команда Туркестанскаго Сапернаго полубатальіона въ маѣ 1892 года, въ составѣ 50 человѣкъ нижнихъ чиновъ и трехъ офицеровъ, была двинута въ городъ Ошъ для открытія и содержанія сообщенія между Памирскимъ отрядомъ и этимъ городомъ, являющимся, какъ извѣстно, конечнымъ пунктомъ сѣти постояннаго телеграфа. Эта командировка вызывалась главнымъ образомъ необходимостью своевременной передачи отряду всѣхъ распоряженій, исходившихъ изъ административнаго центра края, но въ числѣ результатовъ ея была и матеріальная выгода. На первый взглядъ, въ виду дороговизны перевозки громоздкаго телеграфнаго имущества и значительной стоимости содержанія линіи, казалось бы, что о какой нибудь экономіи тутъ не можетъ быть и рѣчи,—однако, для поясненія моего утвержденія, достаточно упомянуть о томъ, что въ одномъ случаѣ своевременная передача распоряженія по нашей телеграфной линіи сохранила казнѣ около десяти тысячъ рублей и однимъ этимъ уже были покрыты расходы по командировкѣ телеграфистовъ на Алай. Впрочемъ, нужно замѣтить, что своевременная передача извѣстій и распоряженій въ военномъ отношеніи есть вопросъ чрезвычайной важности; пренебреженіе къ этому дѣлу бываетъ подчасъ сопряжено съ большими потерями и политическими осложненіями, значеніе которыхъ не можетъ измѣряться ни десятками, ни сотнями тысячъ рублей. Притомъ телеграфъ поддерживаетъ живую связь съ мѣстами, оставленными позади; имѣющій его подъ рукою не чувствуетъ себя оторваннымъ отъ своихъ, чего совершенно нельзя сказать о медленномъ и, по мѣстнымъ условіямъ, ненадежномъ способѣ поддерживанія связи посредствомъ джигитовъ. Какъ человѣкъ, близко принимающій къ сердцу интересы военно-телеграфнаго дѣла, я не могу удержаться отъ искушенія привести здѣсь одинъ военно-историческій примѣръ, прекрасно иллюстрирующій мои слова о неоцѣненной помощи, которую можетъ принести войскамъ возможность пользоваться услугами телеграфа. Въ 1877 году отъ храбрыхъ защитниковъ Шипкинскаго перевала было получено извѣстіе о безвыходномъ ихъ положеніи передъ лицомъ подавляющей численностью турецкой арміи. Благодаря телеграфу, оказалось возможнымъ немедленно отвѣтить: «посланы вамъ стрѣлки на выручку». Надежда на помощь вдохнула новую энергію въ изнемогавшихъ героевъ; они напрягли всѣ свои силы и, совершивъ чудеса храбрости, отстояли позицію отъ бѣшеныхъ атакъ Сулеймана и этимъ спасли 23 августа центръ Дунайской арміи.

Теперь понятно будетъ, если я скажу, что мое сердце военнаго телеграфиста и радовалось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скорбѣло, когда на конечной станціи своей линіи, лишенный средствъ продолжать ее дальше, я просматривалъ телеграммы въ родѣ слѣдующихъ: «мы покидаемъ послѣднюю станцію военнаго телеграфа—теперь уже не скоро получишь отъ меня извѣстіе», или: «военный телеграфъ, къ сожалѣнію, идетъ только до начала Памира, на почтовыхъ джигитовъ мало

можно надѣяться» и т. д. Дѣйствительно, тяжело было, сознавая огромную важность телеграфа для всего отряда и сочувствуя вполнѣ справедливымъ сожалѣніямъ отдѣльныхъ лицъ о невозможности пользоваться имъ, не быть въ состояніи двинуться впередъ и довести линію до такого пункта, чтобы она вполнѣ могла удовлетворять своему назначенію. Но я былъ связанъ ограниченностью запасовъ линейнаго матеріала: проволока была уже израсходована, оставались одни геліографы. Полковникъ Іоновъ, встрѣтивъ насъ, телеграфистовъ, уже въ Алайской долинѣ, просилъ Командующаго войсками округа о разрѣшеніи продолжить телеграфную линію хотя бы геліографами насколько возможно дальше. Разрѣшеніе было дано, но незначительное число моихъ геліографистовъ совершенно исключало возможность содержать постоянное геліографное сообщеніе между отрядомъ и конечнымъ пунктомъ телеграфной линіи. Пришлось помириться на томъ, что геліографисты, всего 12 человѣкъ подъ командою поручика Колосовскаго, будутъ поддерживать связь между отдѣльными частями отряда.

Все разсказанное мною обрисовываетъ въ главныхъ чертахъ общее положеніе военно-телеграфнаго сообщенія на Алаѣ и Памирѣ въ тотъ моментъ, когда мы, преодолѣвъ всѣ трудности, встрѣченныя при выполненіи нашей задачи, приступили къ устройству станцій, желая обставить себя возможными удобствами въ предвидѣніи долговременной стоянки. Я не буду распространяться о препятствіяхъ, встрѣченныхъ нами при веденіи линіи,—это подробно изложено въ отчетахъ моихъ, помѣщенныхъ въ спеціальномъ нашемъ военно-инженерномъ журналѣ, и врядъ-ли можетъ многихъ интересовать. Скажу только, что этихъ препятствій было не мало: приходилось подчасъ поддерживать людей на веревкахъ, чтобы уберечь ихъ отъ паденія съ кручи; случалось, что лошади и верблюды срывались съ узкой тропинки и гибли въ пропастяхъ вмѣстѣ съ грузомъ; бывало, что снѣжные и каменные обвалы преграждали намъ путь, а иной разъ угрожали и болѣе серьезными послѣдствіями. Тѣмъ болѣе пріятно было намъ, оставивъ всѣ эти непріятныя приключенія позади, расположиться покойно на станціяхъ, выбранныхъ большею частью въ удобныхъ и живописныхъ мѣстахъ, и обставить себя возможнымъ комфортомъ. Люди помѣщены были весьма уютно въ юламейкахъ; устроены были хлѣбопекарныя печи, печи для приготовленія лепешекъ, хорошіе кухонные очаги и т. п.

Было бы черной неблагодарностью съ моей стороны не помянуть здѣсь добрымъ словомъ моихъ помощниковъ, молодцовъ телеграфистовъ, за ихъ образцовую службу и любовное отношеніе къ дѣлу. Съ самаго начала похода—съ того момента, какъ мы, помолившись предъ выступленіемъ изъ Ташкента, двинулись въ путь, не зная, что будетъ съ нами впереди,—они сохраняли такую бодрость духа, веселость и точное до мелочей исполненіе служебныхъ обязанностей, что я положительно не узнавалъ своихъ людей. Монотонная казарменная жизнь всегда налагаетъ на нашихъ солдатиковъ печать нѣкоторой вялости и апатичнаго отношенія къ требованіямъ службы, но одно слово «походъ» производитъ просто магическое дѣйствіе. Помню, какъ теперь, маленькаго, худенькаго, весьма мало грамотнаго линейца Антона Денисова, которому никакъ не давались даже самыя первоначальныя понятія военно-телеграфной науки и котораго я, за его неспособность, не хотѣлъ было брать съ собою въ походъ. За нѣсколько дней передъ выступленіемъ этотъ Денисовъ, крайне возбужденный и оживленный, является ко мнѣ и просится идти съ командой. Его добродушные сѣренькіе глазки блестѣли, а голосъ дрожалъ отъ волненія, когда онъ говорилъ: «ваше благородіе, если я не знаю телеграфнаго дѣла, то я чѣмъ нибудь другимъ заслужу». Лицо его дышало такой готовностью заслужить, что я перемѣнилъ свое намѣреніе и оставилъ, вмѣсто Денисова, одного изъ женатыхъ телеграфистовъ, которые вообще тяжелѣе на подъемъ, и никогда объ этомъ не жалѣлъ впослѣдствіи. На первыхъ же порахъ Денисовъ обнаружилъ такую способность къ хозяйственнымъ

дѣламъ и такую пламенную заботливость о нуждахъ команды, что положительно сдѣлался общимъ любимцемъ. Ему, между прочимъ, принадлежала блестящая идея завести на нашихъ станціяхъ куръ. Вотъ какъ было дѣло. На одномъ изъ переходовъ вижу на вьючной лошади, кромѣ обыкновеннаго груза, еще какое-то прибавленіе страннаго вида, оказавшееся по ближайшемъ разсмотрѣніи клѣткою.

—Что это?—спрашиваю.

— Такъ что, ваше благородіе, курятникъ—поспѣшилъ объяснить какимъ-то образомъ очутившійся возлѣ меня Денисовъ.

Дѣйствительно, въ клѣткѣ засѣдали пѣтухъ и двѣ курицы. Добылъ ихъ Денисовъ самымъ экономическимъ способомъ: онъ ихъ «нашелъ». Правда этотъ способъ добыванія мнѣ неособенно нравился, но á la guerre comme á la guerre—и въ виду совершившагося факта пришлось ограничиться внушеніемъ воздерживаться на будущее время отъ подобныхъ выгодныхъ «покупокъ». Потомъ я выписалъ около 50 штукъ куръ изъ Ош̀а и распредѣлилъ ихъ по всей линіи. Онѣ у насъ акуратно неслись, наплодили цыплятъ, и мы имѣли возможность въ значительной степени разнообразить нашъ довольно скудный столъ.

Наша телеграфная линія, за исключеніемъ первыхъ 12 верстъ отъ Ош̀а и 34 верстъ, проходившихъ по Алайской долинѣ, шла горными тропинками и карнизами. На первыхъ порахъ передвиженіе по этимъ тропинкамъ съ непривычки сильно затрудняло моихъ телеграфистовъ, но затѣмъ они освоились съ этимъ дѣломъ и быстро переняли разные пріемы и снаровку у киргизъ. Очень скоро они сошлись съ джигитами и лаучами и даже подружились съ ними. Еще до окончанія постройки линіи пріѣзжаю я какъ-то на одну изъ промежуточныхъ станцій.

—«Кто тутъ»?—кричу еще издали. Выходитъ изъ юламейки молодой телеграфистъ.

—«Ты здѣсь одинъ?»—спрашиваю я.

—Никакъ нѣтъ, в. б-діе.

—«Кто же, кромѣ тебя, тутъ живетъ?»

—Киргизы, в. б-діе.

—«Какъ же ты съ ними разговариваешь?»

— Отлично, в. б-діе,—заявилъ онъ и исчезъ.

И дѣйствительно, у нихъ въ юртѣ немедленно поднялся оживленный галдежъ, въ которомъ мой солдатъ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ результатѣ киргизы достали мнѣ все, что я спрашивалъ для утоленія голода и жажды, и затѣмъ я черезъ посредство того же моего солдата получилъ отъ нихъ нужныя мнѣ свѣдѣнія. Потомъ, когда жизнь на станціяхъ и на линіи вошла въ опредѣленную колею, киргизы до такой степени подружились съ нашими солдатами, что тащили послѣднимъ все, что, по ихъ мнѣнію, могло доставить имъ удовольствіе. Каймакъ, айрамъ и вкусныя сдобныя лепешки смѣнили почтенные, но твердые интендантскіе сухари.

Скажу, кстати, нѣсколько словъ о тамошнихъ киргизахъ. Киргизы эти, постоянно живущіе въ горныхъ ущельяхъ и прикочевывающіе въ долину Большаго Алая только для пасенія барановъ, верблюдовъ и лошадей,—безусловно честный и добродушный народъ. Кромѣ скотоводства, они занимаются еще хлѣбопашествомъ, хотя ихъ поля даютъ очень скудные урожаи. За то у нихъ успѣшно родится клеверъ, для культуры котораго они чрезвычайно искусно проводятъ по горнымъ откосамъ длинные арыки. Правда, первое мое столкновеніе съ киргизами было такого рода, что не могло хорошо рекомендовать ихъ со стороны честности. Телеграфная линія, проходившая среди киргизскихъ кочевокъ, только-что была окончена, какъ стали все чаще и чаще повторяться случаи исчезновенія болѣе или менѣе значительныхъ кусковъ проволоки. Оказалось, что простодушныя дѣти природы, киргизы, преспокойно таскали мой линейный матеріалъ и съ каждымъ днемъ предавались этому невинному занятію все съ большимъ и большимъ жаромъ. Я не берусь рѣшать, какими побужденіями они подвигались на это; быть можетъ, здѣсь играла роль простая любознательность, столь свойственная киргизамъ; можетъ быть, они забирали мою проволоку на память о насъ русскихъ—это было бы даже трогательно,—но дѣло въ томъ,

что ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи страшно мѣшала дѣятельности нашего телеграфа, вызывая необходимость постоянныхъ починокъ, и я рѣшился поэтому прекратить дальнѣйшее расхищеніе телеграфа. Не дожидаясь содѣйствія мѣстной администраціи, я устроилъ со своими джигитами облаву на расхитителей и восемь человѣкъ ихъ были арестованы на мѣстѣ преступленія. При помощи переводчика имъ была очень краснорѣчиво изображена вся безнравственность ихъ дѣянія и перспектива возмездія, ожидающаго ихъ за порчу военнаго телеграфа. Это внушеніе подѣйствовало на нихъ такъ благотворно, что они не только сами за себя обѣщали больше не таскать нашей проволоки, но даже взялись удерживать отъ этого и своихъ товарищей. Послѣднее обѣщаніе, въ виду малочисленности моей команды и невозможности охранять линію достаточно бдительно собственными средствами, было для меня особенно драгоцѣнно и я съ радостью ухватился за него. Конечно, я поспѣшилъ заключить съ моими плѣнниками миръ на этихъ условіяхъ и отпустилъ ихъ на всѣ четыре стороны. Освобожденные киргизы не замедлили на дѣлѣ доказать искренность своего раскаянія и благодарность за мою снисходительность къ ихъ проступку. Безъ всякаго принужденія они оказывали намъ посильную помощь при устройствѣ участка временнаго телеграфа отъ Оша. Когда, напримѣръ, у меня, вслѣдствіе опозданія вьючныхъ верблюдовъ, оказался недостатокъ въ телеграфныхъ столбахъ, то они, въ виду невозможности достать лѣсъ инымъ путемъ, не задумались разобрать свои зимовки и такимъ образомъ проявили самоотверженіе и любезность, на которыя врядъ-ли можно было бы расчитывать даже со стороны единоплеменниковъ. Обѣщаніе свое они сдержали блистательно: линіи нашей больше ни разу не портили и дѣйствительно, слѣдили въ этомъ отношеніи за проѣзжающими киргизами другихъ волостей. Словомъ, лучшихъ пріятелей и помощниковъ трудно было бы и желать.

(Продолженіе будетъ).

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣс.—2 р. 80 к.; на 1 мѣс. 1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 р.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и кн. маг. „Букинистъ".

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются на Иканской ул., рядомъ съ домомъ доктора Эрена.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9½ до 11 час. утра.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1329

1-Й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету", издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчіи съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету" просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты", въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 коп., два раза—по 9 к. за строчку, свыше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и политипажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по ½ коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаге Управленія.

15 (27) декабря 1894 г. ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ. № 91.

Изъ воспоминаній о походѣ на Алай въ 1892 г. *)

(*Окончаніе*).

Изъ всѣхъ переваловъ, черезъ которые намъ приходилось вести телеграфную линію, главное затрудненіе безусловно представлялъ переходъ черезъ ледникъ Джиптыкъ. Этотъ гигантъ, вышиною 14,800 ф., занимаетъ первое мѣсто между ледниками Алайскаго хребта. Обойти его для насъ было совершенно невозможно вслѣдствіе ограниченной длины нашего телеграфнаго провода и потому оставалось только, предъ прокладываніемъ линіи, хорошенько изучить переходы черезъ ледникъ, чтобы воспользоваться наиболѣе удобнымъ изъ нихъ.

Первый разъ на Джиптыкѣ я былъ съ поручикомъ Колосовскимъ въ маѣ 1892 г. Это было какъ разъ 15-го числа и мы расчитывали выпить на вершинѣ перевала за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ, но намъ не пришлось осуществить этого намѣренія, такъ какъ у самой вершины мы были застигнуты жесточайшимъ бураномъ. Киргизы наши разбѣжались и дальнѣйшая судьба ихъ намъ такъ и осталась неизвѣстной. Только трое изъ нихъ были задержаны переводчикомъ и бывшимъ при насъ въ качествѣ казенной прислуги телеграфистомъ. Благодаря этому, были спасены наши верховыя лошади и багажъ. Изъ четырехъ вьючныхъ лошадей двѣ свалились въ пропасть—хорошо еще, что безъ вьюковъ. Сами мы вдвоемъ продолжали путь пѣшкомъ и только на другой день присоединился къ намъ нашъ маленькій отрядъ.

Трудно представить себѣ впечатлѣніе, производимое на такой высотѣ снѣжнымъ бураномъ. Мнѣ невольно вспомнилась слышанная мною еще въ дѣтствѣ сказка объ альпійской феѣ, которая влажнымъ бѣлымъ покрываломъ обвиваетъ отважнаго, стремящагося проникнуть въ ея владѣнія путника, увлекаетъ его въ свои холодныя объятія и ледянымъ дыханіемъ замораживаетъ кровь въ его жилахъ. Эта поэтическая картина недурно характеризуетъ то положеніе, въ которое попадаетъ человѣкъ во время бурана, когда снѣжный вихрь застилаетъ все передъ глазами, земля исчезаетъ изъ-подъ ногъ, а вѣтеръ реветъ съ дикимъ свистомъ и бѣшенымъ воемъ, точно хочетъ сорвать тебя съ мѣста, и чувствуешь, какъ стынешь весь насквозь. Долго спускались мы почти ощупью съ вершины перевала, нѣсколько разъ теряли другъ друга изъ виду и, наконецъ, вырвавшись изъ влажной бѣлой мглы, окружавшей насъ, благополучно спустились внизъ. Перевалъ Джиптыкъ, избѣгаемый даже киргизами, останется вѣчно памятнымъ для всѣхъ моихъ телеграфистовъ по тѣмъ чрезвычайнымъ трудностямъ, съ которыми была сопряжена прокладка черезъ него проводника. Но особенно тяжелыя воспоминанія и непріятныя послѣдствія, притомъ на всю жизнь, остаются у меня, чуть не погибшаго тамъ вмѣстѣ съ двумя телеграфистами. Это было въ то время, когда мы, проживъ уже два мѣсяца слишкомъ въ горахъ, прекрасно изучили всѣ удобныя для восхожденія на Джиптыкъ и спуска съ него мѣста. Идя однажды изъ Алайской долины вдоль нашей линіи и осматривая ее по пути, я отправилъ своего деньщика съ вьюками черезъ Джиптыкъ по обходной дорогѣ, а самъ съ ефрейторомъ 3-го стрѣлковаго баталіона Калугинымъ, бывшимъ на ледникѣ въ первый разъ, сталъ направляться по болѣе короткому пути. Мы благополучно пробрались черезъ всѣ

(*) См. № 90.

опасныя мѣста и намъ оставалось пройти только нѣсколько саженъ по крутому скату, одѣтому льдомъ; дальше начинался уже поясъ снѣга, сравнительно безопасный. Калугинъ обнаруживалъ такую смѣлость при одолѣніи препятствій, что мнѣ то и дѣло приходилось останавливать его и рекомендовать соблюденіе большой осторожности. Я помню какъ теперь тотъ моментъ, когда Калугинъ пріостановился, соображая, какъ ему удобнѣе достигнуть до мѣста, гдѣ бы надежно могла упереться нога; обѣими руками онъ держался за конецъ моей палки, съ которую я не разставался въ горахъ (другой конецъ ея былъ у меня въ правой рукѣ). Только-что онъ занесъ ногу, чтобы шагнуть впередъ, какъ вдругъ пошатнулся, стоя на узкой площадкѣ. Моментально понявъ опасность положенія Калугина, я, прыгнувъ впередъ, толкнулъ его на снѣгъ, но, не соразмѣривъ силы прыжка, потерялъ равновѣсіе и, не успѣвъ перескочить на снѣгъ вслѣдъ за Калугинымъ, покатился внизъ. Сначала я былъ въ полномъ сознаніи, видѣлъ даже испуганное лицо Калугина, но затѣмъ у меня потемнѣло въ глазахъ. Помню еще, что меня удивляло, отчего стало темнѣть, когда только 12 часовъ дня и день ясный. Затѣмъ я потерялъ сознаніе. Когда черезъ нѣсколько времени я пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что вишу между камнями, поддерживаемый лежащимъ на животѣ и горько плачущимъ Калугинымъ, а надо мной раздавался голосъ моего деньщика Гордѣева, осторожно ползшаго къ намъ. Осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что отлетѣлъ саженъ на 60 отъ мѣста, гдѣ стоялъ передъ паденіемъ. Паденіе мое было задержано тѣмъ, что нога попала въ расщелину льда. Она была какъ-то странно вывернута—впечатлѣніе получалось такое, какъ будто она оторвана, но въ то же время я не могъ пошевельнуться безъ сильнѣйшей рѣжущей боли въ бедрѣ; казалось, что-то острое впивается изнутри въ мышцы и раздираетъ ихъ. Отчаянный приступъ этой боли вторично лишилъ меня чувствъ. Нѣсколько капель рому, влитыхъ мнѣ въ ротъ Гордѣевымъ, вернули меня, однако, довольно быстро къ сознанію. Я собралъ всю энергію, на которую только былъ способенъ, и мнѣ удалось настолько превозмочь физическія страданія, что я въ состояніи былъ сдѣлать нужныя распоряженія для передвиженія моего бреннаго тѣла къ ближайшей станціи. Меня бережно уложили на носилки, наскоро сдѣланныя изъ войлока, и пошли внизъ. Нога пришла въ болѣе нормальное положеніе, но боль въ ней была такъ сильна, что приходилось постоянно останавливать насильщиковъ и просить ихъ держать меня нѣкоторое время покойно. Это сильно затрудняло передвиженіе; достаточно сказать, что разстояніе отъ мѣста паденія до первой площадки, свободной отъ снѣга, всего около полутора версты, мы шли въ теченіе восьми часовъ. Фельдшеръ моей команды, позванный ко мнѣ—убійственный профанъ въ своемъ дѣлѣ—увѣрялъ, что у меня не болѣе, какъ сильный ушибъ. Но тутъ же, за моей спиной, онъ, основываясь на слабости моего пульса и біенія сердца, громко выражалъ мнѣніе, что я, вѣроятно, долго не протяну. Я и самъ, впрочемъ, недалекъ былъ отъ такихъ предположеній. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня было искреннее и сердечное сочувствіе моихъ подчиненныхъ, и, помню, мнѣ приходило въ голову, что умереть, исполняя долгъ службы и среди преданныхъ солдатъ, лучшая смерть для военнаго человѣка.

Но судьба, къ счастью, рѣшила иначе. Вскорѣ явилось со станціи еще нѣсколько телеграфистовъ и порядочное число киргизъ, прослышавшихъ о случившемся со мною несчастіи. Между

ними я узналъ нѣкоторыхъ изъ моихъ бывшихъ плѣнниковъ. Они теперь ухаживали за мною наперерывъ, старались угодить мнѣ, чѣмъ только могли, и каждый притащилъ съ собою что нибудь такое, что считалъ полезнымъ для меня въ данномъ случаѣ. Они предлагали мнѣ даже медицинскую помощь, къ которой я, однако, отнесся недовѣрчиво. Потомъ, когда я узналъ, что между киргизами есть люди, замѣчательно искусно залечивающіе вывихи, переломы и вообще всякія травматическія поврежденія, я жалѣлъ объ этомъ.

Проведя ночь въ прекрасномъ шалашѣ, устроенномъ для меня киргизами, и отдохнувши немного, хотя лихорадочное состояніе и мѣшало подкрѣпиться сномъ, я утромъ рѣшился двинуться дальше, къ телеграфной станціи Ходжа-кель-ата. Пройти предстояло около 29 верстъ, большею частію по горнымъ тропинкамъ, гдѣ вдвоемъ рядомъ идти невозможно. Носильщикамъ приходилось нести меня поочередно, не болѣе, чѣмъ по двое сразу, и тутъ моимъ людямъ понадобились все ихъ самоотверженіе и выносливость. Киргизы выказывали чудеса ловкости и цѣпкости, двигаясь по нѣсколько человѣкъ сбоку моихъ носилокъ и поддерживая меня, чтобы я не вывалился изъ нихъ. Черезъ 14 часовъ, въ теченіе которыхъ мои люди измучились не менѣе меня, мы пришли на мѣсто. Я сильно подозрѣвалъ у себя переломъ ноги, но мой ученый фельдшеръ увѣрялъ, что если бы дѣйствительно былъ переломъ, то я не могъ бы шевелить пальцами, а между тѣмъ подвижность ихъ сохранилась. Также и мой спаситель Калугинъ подтверждалъ съ своей стороны, что когда у него нога была переломлена, то онъ совершенно потерялъ способность двигать пальцами. Такъ какъ теорія и практика въ данномъ случаѣ сходились, то мнѣ оставалось только покорно согласиться, что переломъ моей ноги въ дѣйствительности только ушибъ.

Однако, я телеграфировалъ командующему войсками Ферганской области генералу Королькову, прося прислать ко мнѣ доктора. Но въ Маргеланѣ въ то время какъ разъ свирѣпствовала холера, особенно среди туземцевъ, и мнѣ было отвѣчено, что врачъ командированъ быть не можетъ, такъ что первую медицинскую помощь я получилъ лишь черезъ пять недѣль въ г. Ошѣ. Нога моя за это время срослась, но совершенно неправильно; послѣдствіемъ этого явилось значительное ея укороченіе.

Приведу теперь нѣсколько цифровыхъ данныхъ, резюмирующихъ нашу дѣятельность. Телеграфное сообщеніе дѣйствовало въ теченіе 100 дней и за это время, не смотря на частыя поврежденія, производимыя табунами лошадей, верблюдовъ и дикихъ козъ, а также снѣжными и каменными завалами, было передано и принято около 60,000 словъ. Бездѣйствовалъ телеграфъ во все время только 120 часовъ.

Снятіе линіи было не менѣе трудно, чѣмъ постановка ея, тѣмъ болѣе, что ко времени снятія уже вездѣ выпалъ снѣгъ, отъ блеска котораго сильно страдали глаза людей и часто приходилось останавливать работу вслѣдствіе невозможности ясно различать предметы. Въ общемъ состояніе здоровья людей было весьма удовлетворительно, больныхъ—ни одного, настроеніе духа отмѣнное. 20 октября команда прибыла благополучно въ Ташкентъ.

Кончая эти замѣтки, я не могу не сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о чудной окружавшей насъ природѣ. Оставивъ вскорѣ за Ошемъ культурную полосу съ ея полями хлопка и джугары, мы у подошвы Алая пріятно пора-

жены были горной флорой и тутъ намъ пришлось въ первый разъ увидѣть прекрасные горные цвѣты, изъ которыхъ особенно выдѣлялись разноцвѣтные Eremurus Korolkowi, первоцвѣтъ ледниковый (Primula nivalis) и другіе. Подснѣжники нашелъ я только около перевала Кизылъ-Артъ, да и то они показались мнѣ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ альпійскіе.

Въ ущельяхъ и на берегу горныхъ потоковъ мы находили представителей разныхъ древесныхъ породъ; тамъ растутъ рядомъ джигда, береза, кленъ, дикіе абрикосы, яблоки и т. д. На горахъ между скалами, поднимаясь до 25,000 ф. высоты, красиво зеленѣетъ арча. Это типичное для горнаго пейзажа растеніе не что иное, какъ можжевельникъ (Juniperus pseudosalina). Пихту мнѣ тоже пришлось видѣть, но только въ очень мелкихъ экземплярахъ.

Изъ минераловъ преобладаютъ глинистые сланцы, известнякъ, аспидъ и бѣлый мраморъ. Послѣдній настолько мягокъ, что солдаты вырѣзывали себѣ изъ него трубки, чашки и другіе предметы.

Изъ типичныхъ животныхъ безусловно первую роль играетъ алайскій сурокъ, или, вѣрнѣе, бобакъ (Arctomys bobac); онъ гораздо крупнѣе своего европейскаго родича и каждый побывавшій на Алаѣ не забудетъ его комическую мордочку, когда онъ, сидя на заднихъ лапахъ, вертитъ ею, оглядываясь по сторонамъ, и свиститъ какъ паровозъ. Изъ болѣе рѣдкихъ животныхъ встрѣчается каменный козелъ (Ibex alpinus); его громадные рога рѣзко выдѣляются на безоблачномъ небѣ, когда онъ на вершинѣ горнаго остряка караулитъ свое стадо. Сернъ (Capellae rupicapra) мы видѣли только въ началѣ мая; вѣроятно, онѣ по прикочевкѣ киргизъ удаляются въ недоступныя для человѣка мѣста. Каменные бараны (Ovis Polli, архаръ) въ главномъ хребтѣ намъ не встрѣчались, за то около озера Каракуль и вообще на Памирахъ они въ такомъ изобиліи, что стада ихъ доходятъ до сотни головъ. Красавецъ олень (Cervus morali) теперь уже не живетъ на Алаѣ. Мнѣ говорили, что послѣдній экземпляръ убитъ тамъ пять лѣтъ тому назадъ; онъ удалился въ болѣе лѣсистую Семирѣченскую область.

Изъ птицъ, не считая нѣсколькихъ породъ мелкихъ пѣвчихъ птицъ и хищниковъ, изъ которыхъ особенно выдѣляются три породы грифовъ, мнѣ пришлось часто видѣть весьма рѣдкую снѣжную ворону (Pyrrhocorax alpinus), живущую здѣсь выше 10,000 ф. Ея меланхолическіе, похожіе на вой крики производятъ крайне гнетущее впечатлѣніе на непривычнаго человѣка.

Медвѣди, волки, лисицы составляютъ на Алаѣ рѣдкость: встрѣчать ихъ удается не каждому и, судя по видѣннымъ шкурамъ, они не отличаются ни красотою, ни величиною, за то кабаны въ великомъ множествѣ и ведутъ они себя крайне дерзко, заходя даже въ человѣческое жилье.

Насѣкомыхъ на Алаѣ вообще мало. На горныхъ лугахъ встрѣчаются очень красивыя дневныя бабочки; изъ нихъ мнѣ удалось поймать прекрасный экземпляръ аполлона (Parnassius Apollo) на высотѣ около 6000 ф. Ночныхъ бабочекъ совсѣмъ не видѣли. Скорпіоны и фаланги встрѣчались тоже очень рѣдко.

Не мало пришлось претерпѣть намъ отъ атмосферическихъ явленій: дождь и снѣгъ часто проникали въ наши палатки и юрты и подмачивали съѣстные припасы, но главнымъ нашимъ врагомъ были постоянныя грозы, мѣшавшія работать на аппаратахъ и заставлявшія прекращать передачу денегъ.

В. Петерсенъ.